

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТЯЛЛЕ

ПАНДЕМИЯ

Человек, такой,
каким мы его знаем, —
худший вирус
планеты...

18+

Впервые на русском! Новый роман от мастера остросюжетного жанра

Annotation

Равновесие – штука хрупкая, минуты спокойствия преходящи. Комиссар Франк Шарко, начиная расследование убийства, даже не подозревал, что речь пойдет ни много ни мало о выживании человечества. А начинается все сравнительно безобидно: в заповеднике на севере Франции находят мертвых лебедей, в Париже несколько человек заболевают гриппом. Однако это не обычный осенний всплеск заболевания, служба биологической безопасности Института Пастера утСПбверждает, что речь идет о совершенно новой, более того, искусственно выведенной разновидности вируса. Криминалисты с набережной Орфевр, 36, сбиваются с ног. Эпидемия вот-вот охватит планету, но совершенно непонятно, чей дьявольский план стоит за погибшими птицами и цепочкой странных убийств. Ясно одно: уже запущен обратный отсчет, и для решения загадки остаются дни, часы, минуты...

Впервые на русском! Новый роман от мастера остросюжетного жанра.

Франк Тилье

Пандемия

Оставь надежду всяк сюда входящий.

Данте. Божественная комедия

В конечном счете использование живого для уничтожения других живых существ несет эмоциональный заряд, связанный с самими основами нашего вида... и может оказаться преступлением или нарушением человеком табу жизни.

Патрик Берн. Тайная история биологических войн

Первым звуком, который услышал Габриэль, было звяканье цепи, прикованной к его левой лодыжке.

Голова болела нестерпимо. Скорчившись на боку, он провел пальцами по металлической поверхности, царапавшей его правую щеку. Это была, похоже, стальная вентиляционная решетка. Когда по такой проходят девушки, то у них взлетает вверх подол платья. Габриэль, вообще-то, любил такие решетки.

Он расслышал внизу журчание воды. Куда его притащили? И зачем? Он еще не проспался после дрянного вина, но точно помнил ту черную фигуру, словно вынырнувшую из ниоткуда, под мостом. Габриэлю почудилась гигантская птица, с клювом и длинными когтями, блеснувшими в свете луны, а потом он ощутил боль в затылке и зажмурился – чтобы проснуться здесь, в темени, непрогляднее, чем беззвездная ночь.

Он привстал во мраке, и сильный запах защекотал ему ноздри. Мята. Да, пахло свежей мятой. Он не без труда дотянулся до закованной лодыжки и попытался высвободиться, как вдруг крошечный огонек замаячил позади. Он угадал пламя свечи, кружок робкого света, точно мыльный пузырь, в котором он, казалось, видел окружающее сквозь грязное стекло. Озираясь, он выхватывал лишь фрагменты действительности: кусок потолка, переплет решетки, край стены... Странный звук заставил его замереть. Он доносился с другой стороны от источника света. По диагонали, в углу, противоположном тому, где находился он.

Габриэль хотел было подняться, но в голове все закружилось. Он застыл на четвереньках, подобравшись, точно готовый броситься пес. Габриэль изрядно выпивал, да и ум уже притупился, но чують опасность он умел. С годами в нем развился инстинкт выживания – просто так, голыми руками, его не возьмешь.

Очень быстро он сообразил, что странный звук был звяканьем цепи. Другой цепи.

В круге света возникла рука: пять молящих пальцев скрючивались, хватая тьму. Габриэль видел только эту руку, пытающуюся дотянуться до свечи, и понял, что это вряд ли получится. *По ту сторону*, надо понимать, был кто-то, кого наверняка похитили и приковали, как и его.

Он осторожно пополз по металлической решетке, обдирая ладони и колени. Его остановила собственная цепь, натянувшись до предела. Тогда он тоже вытянул правую руку к свече, подражая другой руке, вцепившейся теперь в решетку, словно желая ее вырвать. Но Габриэль не смог коснуться ни свечи, ни раскрывшейся перед ним руки. Как он ни силился, как ни напрягал каждый мускул, каждую фалангу, все было тщетно.

Не успел он открыть рот, как слева от него, примерно в метре, возникла третья рука, маленькая и скрюченная. Потом еще одна, длинная и худая, обозначилась в последнем углу.

Над протянутыми друг к другу руками, между тенью и светом, появились лица.

Лица, обросшие густой бородой, морщинистые, с безумными глазами.

И тогда в поле зрения возник силуэт последнего человека. Он стоял, он не был прикован, весь в черном, в черной фетровой шляпе.

Пятница, 22 ноября 2013 года

Амандина Герен наблюдала за маленькой колонией грамотрицательных бактерий – несколькими сотнями единиц *Escherichia coli* – под линзами мощного микроскопа. Организмы, подкрашенные фиолетовой горечавкой, размером едва ли больше трех миллионных метра, плавали в питательном растворе. Микробиолог оторвалась от микроскопа и уступила место своему стажеру.

– Вот, посмотри, они испытывают легкий стресс.

Она догадалась, что Лео под дыхательной маской чувствует себя не лучшим образом. В этой стерильной среде работали с сальмонеллами, стафилококками, *listeria*, которые доставали из морозильников с температурой -80° , расположенных в углу лаборатории: эти бактерии редко смертельны, но обращаться с ними надо с крайней осторожностью.

– В состоянии стресса скорее я.

– В худшем случае заработаешь диарею на три-четыре дня. А вот скажи мне, каковы причины стресса у бактерий?

– Перепады температуры, холод, тепло, изменение окружающей среды с химической точки зрения... давление, освещенность.

– А каковы их стратегии противостояния стрессу?

– Они потребляют как можно меньше энергии, перестают двигаться или жмутся друг к другу. Некоторые бактерии, например сибирской язвы, образуют споры, чтобы защититься от окружающей среды.

– Отлично. Когда...

Кто-то энергично постучал в единственную прозрачную стенку охраняемой лаборатории типа УББ2^[1]. Амандина обернулась. Это был Александр Жакоб, руководитель Группы микробиологического реагирования, ГМР. Она кивком пригласила его войти, но он покачал головой. Очевидно, ему не хотелось облачаться в халат. Поняв это, она дала несколько указаний своему студенту, опустила маску, сняла перчатки и вымыла руки, тщательно оттирая каждый палец и между ними и уделив особое внимание коротко стриженным ногтям. Она вышла через тамбур. За ее спиной на двери висела желто-черная табличка – предупреждение о микробиологической опасности.

– У нас санитарная тревога. Ты можешь выехать через полчаса?

– Я работала над своей темой со стажером, но ничего страшного.

В этот день Амандина дежурила по микробиологии до семнадцати часов. Она должна была быть постоянно на связи и готова приступить к делу максимально быстро в любом месте Франции. Нечто вроде опергруппы при Национальной жандармерии^[2], только по биоопасности, включавшей четырех ученых, титулованных и мобильных, из двенадцати сотрудников ГМР.

– Отлично. Поступил вызов из префектуры Севера. Мчись в орнитологический заповедник Маркантер, в Бэ-де-Сомм. Официальная причина закрытия парка – проблемы технического обеспечения. ИЭН^[3] требует полной секретности. Возьмете машину Жоана, он уже в курсе. Протокол обычный.

- Очень хорошо. А истинная причина закрытия парка?
- Александр Жакоб имел секретный допуск и не был склонен к болтливости.
- Что можно, по-твоему, найти в птичьем заповеднике?

Амандина сказала стажеру, что работа окончена, сама вымыла и продезинфицировала оборудование, после чего бросила халат в корзину для зараженных отходов. Шапочки она не носила: ее волосы длиной от силы в несколько миллиметров едва прикрывали почти лысый череп, поражавший всех, кто видел ее впервые. Обычно такое встречается у мужчин, никак не у красивых рыжих женщин. Длинные волосы у Амандины можно было увидеть только на редких фотографиях, последние – трех-четырёхлетней давности.

Она заскочила в свой кабинет за кое-какими вещами и встретила с коллегой Жоаном Дютреем на переполненном паркинге Пастеровского института. Здесь, в Париже, как и в Лилле, тысячи увлеченных людей, верных духу Луи Пастера, исследовали рак, болезнь Альцгеймера, гены, боролись с недугами. «Исцелять иногда, облегчать часто, слушать всегда». И все это требовало великодушного участия. «Пастер-Лилль» и «Пастер-Париж» существуют в наши дни во многом благодаря пожертвованиям.

Двое микробиологов прошли через кордон безопасности и оказались в сердце Пятнадцатого округа, недалеко от вокзала Монпарнас и его гигантской башни. Они отправились в путь на «рено-кангу» Жоана. В багажнике все необходимое оборудование уже было безупречно уложено между чемоданами и канистрами. В мире Жоана все должно было быть симметрично, наверно, по этой же причине длинный пробор делил его черную шевелюру ровно посередине. Амандина пристегнула ремень.

– Ты, может быть, больше меня знаешь об этом деле с Маркантером? Мне кажется, что Жакоб меня недолюбливает.

– Брось, он прекрасно к тебе относится, просто дай ему время привыкнуть к столице. Он приехал с Юга, еще не освоился. И потом, прикинь, какое на Жакоба давление. Легко ли явиться и принять бразды правления после ухода на пенсию одного из самых видных наших ученых...

Амандина покосилась на коллегу. Они были ровесниками, по тридцать четыре года, хотя Жоан выглядел старше со своим пробором, смотревшимся очень интеллектуально, маленькими усиками и черными, сросшимися в одну линию бровями. Диковинки природы можно найти не только в чашках Петри.

– Ну что там в парке Маркантер?

– Тревогу поднял один из гидов-натуралистов, наткнувшись в заповеднике на три трупа диких лебедей. Он дал знать директору. Тот, следуя инструкциям на случай обнаружения мертвых перелетных птиц, немедленно позвонил в НСА^[4]. Через полчаса эпиднадзор был в курсе и распорядился закрыть заповедник. Ветеринарные службы тоже едут туда.

– Перелетные птицы... Последняя тревога такого типа во Франции была в две тысячи седьмом, если мне не изменяет память.

– Да, в департаменте Мозель. И ничего угрожающего, просто какой-то вирус.

– Будем надеяться, что и здесь то же самое. У нас тут большие миграционные потоки, хорошего мало, если объявится H5N1^[5], пусть даже, как сказал бы Жакоб...

– ...«Мы владем ситуацией!»

Он заметил, что Амандина зевнула. Лицо его посерьезнело.

– Кстати, как поживает Фонг?

– Поживает... – Она вздохнула. – Жакоб не в меру любопытен, мне известно, что он

пытается разузнать о моей личной жизни. Задает вопросы направо и налево. Не знаю почему.

– Почему? Потому что он в ответе за безопасность своей лаборатории, вот почему. А в ней найдется чем убить тысячи человек. Вот он и выясняет анамнез каждого из нас. Плюс к тому он слегка параноик. Естественно, раз у него допуск.

– Про Фонга знаешь только ты. Это ни в коем случае не должно дойти до ушей босса, ясно? Не хочу, чтобы он использовал мою личную жизнь против меня, если однажды ему вздумается ставить мне палки в колеса. Мне нравится выезжать на места, общаться с людьми. В лаборатории я иногда задыхаюсь.

– Ты можешь на меня положиться.

Она наклонилась к авторадио, попала на новости и предпочла переключить на музыку. Шлягер Гольдмана «Comme toi». Молодая женщина откинула голову на подголовник и посмотрела на дома предместья, почему-то вдруг притихшего. Безликие коробки, ни проблеска надежды. Серо, грязно, уныло, как заляпанное ветровое стекло. Особенно в конце ноября, когда начинаются затяжные холодные дожди. Она любила большие города и в то же время ненавидела их. Жоан понял, что лучше оставить ее в покое, и сосредоточился на дороге.

Два часа спустя они приехали в департамент Сомм. Природный заповедник находился прямо на берегу бухты. Выйдя из машины, Амандина потянулась и посмотрела на горизонт. Краски были типичны для осеннего дня, но молодая женщина подумала при виде Северного моря, катившего вдаль свои волны, что оттенки серого могут быть изумительны.

Она вдохнула полной грудью свежий воздух. Наверно, надо было бы ей чаще приезжать на Северное побережье с Фонгом. Отдохнуть у моря, на природе, побыть вдвоем. Но у нее работа, экспертизы, лабораторные исследования – не продохнуть.

А сегодня...

Жоан подхватил оба их чемодана с оборудованием – по одному в каждую руку, вопрос симметрии, – и Амандина не возражала. Она взяла пустую канистру.

Исследователи представились директору заповедника:

– Жоан Дютрей, а это Амандина Герен, мобильная бригада ГМР института «Пастер-Париж».

Мужчина протянул им полную руку. Ему было лет пятьдесят, и очки в овальной оправе не скрывали тревоги на его лице.

– Я Николя Пьон. Двое из ветеринарной службы и двое пожарных уже на месте.

Директор повел их по заповеднику, который простирался, насколько хватал глаз. Большие клинья птичьих стай рассекали небо, движимые непостижимой волей к выживанию. Величественный балет... Одни следовали в раскаленные земли Африки, другие прибывали из ледяных северных краев. Амандина знала, что эта часть северо-востока Европы, наряду с Бельгией, Германией, Болгарией, была важным миграционным коридором, принимающим ежегодно десятки тысяч птиц. Жоан внимательно смотрел вокруг.

– Больше мертвых особей не обнаружено?

– Мы обошли заповедник, на первый взгляд все нормально.

– Что вы можете сказать об этих лебедях?

– По словам одного из моих сотрудников, еще вчера они были на пруду, вполне живые. Они летят с севера, в частности из России, на долгую зимовку. Этот вид редко встречается в Маркантере, и перелет в этом году запоздал. Наверно, зима будет мягкая. Или вообще от глобального потепления все пошло вразнос, поди знай.

Они подошли к небольшому водоему, посреди которого возились в лодке люди в масках и перчатках. Пожарные гребли, удерживая лодку на месте. Ветеринары доставали трупы лебедей и укладывали их в белые чехлы, которые, в свою очередь, заворачивались в биологическую упаковку. Птицы будут подвергнуты вскрытию в стерильных условиях лаборатории типа УББЗ+, по части безопасности там все на высшем уровне. С подозрением на птичий грипп не шутят.

Амандина посмотрела на других птиц на пруду. Утки, цапли, водяные курочки... Потенциальные носители вируса, которые вскоре продолжат свой перелет в менее суровые края. И станут, как любое живое существо, переносчиками микробов.

Исследователи облачились в защитную одежду: перчатки, комбинезоны, маски, бумажные бахилы. Жоан, надевая шапочку, объяснял директору процесс, пока Амандина доставала оборудование.

– Вдобавок к работе ветеринарных служб мы возьмем пробы воды, ила и отложений там, где есть испражнения мертвых лебедей. Вирус – если это действительно вирус – растворился в тысячах литров, но, сами понимаете, мы не увезем такое количество в багажнике, чтобы все проанализировать в лаборатории.

– Мы наполним канистру несколько раз, всасывая воду вот этим насосом, при помощи специальных фильтров изолируем микроорганизмы и сохраним в конечном счете лишь несколько миллилитров жидкости. Жидкости с высокой концентрацией микробов, – добавила Амандина.

Пьон нервно расхаживал взад-вперед. Объяснения, казалось, до него не доходили.

– Мои сотрудники ждут указаний, люди хотят попасть в заповедник. Когда я смогу открыть парк?

Ученые переглянулись. Жоан повернулся к возвращающейся лодке и дружески помахал рукой, предоставив объясняться Амандине.

– Мы возьмем пробы и передадим их в Национальный центр изучения гриппа при Парижском институте Пастера. Это единственная лаборатория, помимо Лиона, занимающаяся всем, что касается гриппа, в национальном масштабе. Через несколько часов, если все будет в порядке, мы узнаем, идет ли речь о вирусе птичьего гриппа H5N1.

– А если так?

– Ваш заповедник, вероятно, будет закрыт на несколько дней, пока мы не убедимся, что нет других мертвых птиц, и префект не примет решение.

– Закрыть весь заповедник из-за трех мертвых лебедей? Но...

– Нам очень жаль, но инструкции в случае подозрения на птичий грипп очень строгие. Вам не хуже нас известно о риске распространения этого опасного вируса в птицеводстве. Периметр безопасности должен быть максимально широк.

Пьон обреченно кивнул. Все эти меры казались ему явным перебором. Всего лишь каких-то три мертвых лебедя – в конце концов, может, было бы лучше никому ничего не говорить и выбросить птиц в помойку. Встревоженный, он ушел звонить.

Жоан и Амандина приветствовали сотрудников ветеринарной службы. Беседа была короткой и вежливой. Потом они заняли места в лодке, и сидевшие на веслах пожарные доставили их к поплавкам, которыми коллеги обозначили места обнаружения лебедей. В водорослях на поверхности плавали испражнения.

– Готово дело!

Они молча наполнили канистру водой из пруда, взяли пробы ила, осадка, достали насос,

установили фильтры, трубки и запустили систему. Аппарат был самодельный, но работал хорошо. Вода втягивалась в канистру и пропускалась через специальные фильтры, способные удерживать микроорганизмы больше двух часов.

Амандина ощутила легкий озноб, размещая пробы жидкости в специальную биологическую упаковку тройной толщины. Быть может, он там, невидимый, спящий, готовый напасть, пресловутый H5N1, вирус птичьего гриппа. Этот серийный убийца редко поражал человека – надо было вдохнуть его в очень больших количествах от уже больных птиц. Но если такое случалось, то каждый второй случай заканчивался смертельным исходом.

Дело сделано. Пара охотников за микробами незаметно удалилась со своими чемоданами и канистрой. Несколько любопытных туристов и орнитологов, ожидавших у входа в парк, проводили их взглядом. Их наверняка приняли за обслуживающий персонал. И тем лучше.

Перекусив в местной забегаловке, они выехали на автостраду и направились в столицу. Развязки, пробки, гудки. Амандина не заметила, как пролетел день. Почувствовав, что виски стискивает боль, она поняла, что забыла принять пропранолол.

Они добрались наконец до Института Пастера. Пока Жоан доставал из багажника чемоданы, молодая женщина посмотрела на часы:

- Черт, почти семь. Я обещала Фонгу, что вернусь не поздно.
- Не беспокойся, я сам. Мне все равно надо кое-что доделать в лаборатории.
- Ладно, сначала займусь дезинфекцией.
- И расслабься немного, ладно? Амандина, ты работаешь на износ.
- Трудно, но я попробую.
- Кстати, ты скажешь Фонгу про лебедей? У него еще есть связи в ВОЗ^[6]. Он мог бы дать нам горячие сведения, каких мы не дождемся от Жакоба.
- Что-то мне не хочется, чтобы он совал в это нос. Ты же его знаешь: когда он в теме, то ни за что не успокоится.

Жоан захлопнул багажник.

– Смотри сама, но это бы хоть заняло его.

– Фонг не скучает.

Она ответила довольно сухо.

– Ладно, держись, Амандина. До понедельника.

Держись... Он нашел верное слово.

Потому что, переступив порог своего лофта в предместье на юго-западе Парижа, она отнюдь не ощутила облегчения.

Скорее даже наоборот, это было испытанием.

Амандина приветствовала Фонга издалека.

Он помахал ей рукой через закрытую стеклянную дверь. Амандине хотелось обнять его, поцеловать, как сделали бы любые супруги, проведшие день в разлуке.

Но она не могла этого сделать из-за плексигласовых перегородок.

Прежде следовало пойти под душ.

Удалить максимум микробов. Еще и еще.

В большом лофте, площадью двести двадцать квадратных метров, было две ванны, две гостиные и две кухни, большая и маленькая. Все перегороджено небьющимся стеклом или цельными стенами, со сложной сетью прозрачных коридоров, чтобы супруги не пересекались.

Когда все шло из рук вон плохо, у нее было свое личное пространство, у него свое. Они ходили параллельными коридорами и никогда не посягали на территорию другого. Два отдельных существа, живущие под одной крышей в странном лабиринте.

В ванной Амандина сунула свою одежду в корзину для белья, стоящую под набитым аптечным шкафом. На стене висел календарь, где она отмечала все даты своих месячных. Она энергично намылилась антибактериальным гелем, самым эффективным из имеющихся в продаже (его тестировали коллеги из Пастеровского института в Лилле), вспенила на голове шампунь, убивающий все микробы, и обильно ополоснулась горячей водой. Потом вытерлась полотенцем, выстиранным в специальных, антибактериальных порошке и кондиционере.

Перед зеркалом она набросила тайское кимоно из серого атласа и намазала лицо кремом. В тридцать четыре года ее гладкое, без единого волоска, тело казалось фарфоровым. Амандине была необходима эта чистота, чтобы хорошо себя чувствовать. После ритуала, продолжавшегося около часа, она могла наконец встретиться с мужем в одной из двух гостиных. В доме стояли увлажнители, которые, как правило, были эффективной защитой от микробов, и гигрометрические датчики. Гостиная Амандины находилась по другую сторону ультрапрочного плексигласового стекла, окруженного герметичными прокладками; у нее был свой телевизор, свое убранство, свой диван. Отсюда она также контролировала всю домашнюю электронику: автоматическое закрытие ставней, регулирование температуры, активацию сигнала тревоги, выключение света...

Фонг приготовил курицу по-тайски с кокосовым молоком. Две цветные тарелки стояли на маленьком круглом столике. Амандина прижала Фонга к себе, погладила по спине. Каждый день, когда она могла ощутить его, прикоснуться к нему, был днем, выигранным у болезни. И не важны были ни муки, ни жертвы, ни эти толстые стекла, за которыми они походили порой на рыбок в аквариуме.

Амандина убедилась, что курица хорошо прожарена, и открыла бутылку минеральной воды.

– Что, если нам съездить к морю вдвоем? На Северное побережье. Ветер и свежий воздух. Йод пойдет на пользу твоему организму. Там сейчас никого нет, не сезон, пляж будет только наш.

– Тебе захотелось просто так?

– Да, просто так.

Фонг задумался над предложением на несколько долгих секунд. Когда он размышлял,

крошечные морщинки расходились гусиными лапками от его черных глаз. У него было круглое и мягкое лицо азиатского типа, небольшие залысины и зубы чистой белизны.

Он улыбнулся ей; от этой улыбки она до сих пор млела, после пяти лет брака. Ему исполнилось сорок три. Они познакомились на научном конгрессе по биологической безопасности, поговорили, усыпая речь варварскими названиями бактерий, и больше не расставались. Перед самой свадьбой Амандина спросила его, готов ли он жениться на женщине с таким опасным именем^[7]: ведь цианид, смертельный яд, который может убить так, что и не заметишь, пахнет миндалем.

– Я рискну. Миндаль может быть и сладким, – ответил он. – Да, море – это хорошая идея. Мне будет полезно немного проветриться. Завтра?

– Лучше в воскресенье. Будет свободнее на дорогах. Завтра я займусь уборкой, а потом посмотрим кино. Да, и еще, на следующей неделе я хочу взять отгулы, подам запрос в понедельник.

– Это правда?

– Я слишком заработалась, мне надо оторваться от пробирок и сделать паузу в подготовке моей ЛРИ^[8]. Проводить больше времени с тобой.

– Тоже отличная идея.

Амандина кивнула на оригами, лежавшие на столе гостиной. Драконы, стрекозы, птицы невероятной сложности. Некоторые из них требовали сотен складываний и десятков часов работы. У Фонга были длинные и тонкие пальцы пианиста.

– Ну, сколько ты продал сегодня?

– Четыре. Двух скорпионов, одного оленя и сердце с крыльями, вон оно.

Прежде Фонг гонялся за микробами по всему миру. Теперь, запертый в четырех стенах, он делал бумажные фигурки. Но он держался. Его интернет-магазинчик, электронная переписка с незнакомыми людьми и пакетики, которые Амандина каждый день относил в абонентский ящик, позволяли ему сохранять подобие связи с миром.

– Чудесно, Фонг, у тебя все больше клиентов. Придется кого-то нанять, если так будет продолжаться.

Фонг спокойно отпил поток воды. Он всегда оставался вежливым, учтивым, даже в самых ужасных ситуациях. Но Амандина знала, как не хватает ему внешней жизни, общества, даже простых прогулок, которые он совершал до болезни.

– Может, теперь расскажешь мне, что тебя мучит? Я чувствую, как ты напряжена.

Поколебавшись, Амандина решила рассказать ему о трех мертвых лебедях, о своей поездке с Жоаном в Маркантер, о подозрениях на грипп H5N1. Фонг внезапно заинтересовался. До работы в лабораториях инфекционной больницы Сен-Луи он три года трудился в ВОЗ в качестве эпидемиолога. Человек цифр, весь в статистике, расчетах, прогнозах. Пневмония была его коньком, он много ездил, в Африку, Латинскую Америку, Мексику... Вдобавок о гриппе он тоже знал немало.

– Я не помню, говорил ли тебе о SHOC^[9] Room.

– «Шокрум»? Что это? Восточная кондитерская?

Фонг не знал, шутит она или нет. У Амандины бывали порой неожиданные, даже нелогичные реакции. Видно, ум ее путался, смешивал все, с этой массой проектов, которые она вела одновременно. Пришлось объяснить:

– Ага, швейцарская восточная кондитерская. Она находится в женевских офисах. Это помещение, полное компьютеров...

– Где сотрудники-наблюдатели отслеживают различные очаги гриппа – особенно птичьего – по всему миру. Да, я знаю...

– Значит, тебе известно и то, что у них там есть система под названием GPHIN^[10], отлавливающая все, что касается гриппа, в Интернете на семи языках. Его поисковики шерстят веб наподобие «Гугла». Газеты-онлайн, блоги, медицинские сайты – все. Несколько слов по-русски о мертвой птице – и через несколько секунд на экранах высвечивается информация...

– Впечатляет.

– Я позвоню бывшему коллеге, Клоду Бейзу, он передо мной в долгу. Мы наверняка разузнаем больше о твоих лебедях.

– Ты предлагаешь мне действовать через голову шефа, так?

– По правде сказать, твое дельце меня возбуждает.

– Меня тоже. И на худой конец, неплохо бы знать как минимум столько же, сколько этот психоригидный Жакоб.

Фонг набрал номер, поговорил несколько минут и повесил трубку.

– Похоже, там горячо.

– Горячо, то есть?

– Это все, что он мне сказал, сейчас у них там запарка. Но он обещал послать мне информацию по электронной почте сегодня вечером или самое позднее завтра. Я сказал, чтобы он поставил тебя в копию.

После вестерна, который они посмотрели, сидя на двух отдельных диванах, они проверили электронную почту и отправились в спальню, за ласками добравшись до этой комнаты, рассеченной надвое большим плексигласовым стеклом. Две входные двери, две кровати, *почти* рядом, но разделенные. На этот раз они вошли в одну дверь – которая запиралась на ключ, как все двери в лофте, – и легли вместе в кровать Амандины. Она никогда не заходила на территорию Фонга, кроме кухни.

Фонг любил гладить рукой голову жены, чувствовать, как коротенькие рыжие волоски покалывают ему пальцы. Он лег, дотянулся до коробки с защитными масками и передал ее Амандине.

– Ты уверен, что сегодня не твоя очередь?

– Абсолютно.

– Ладно, надену.

Она надела на голову резинку и прикрыла маской лицо. Так они не будут целоваться и обмениваться массой микробов. Амандина знала, что более двухсот типов бактерий передается в процессе обычного поцелуя. Фонг, со своей стороны, надел презерватив. Хоть и уверяли, что его болезнь не передается половым путем, Амандина не хотела, чтобы он подвергнулся малейшему риску.

Потому что опасность была не в нем.

Вот уже два года Фонг страдал синдромом приобретенного иммунодефицита взрослого возраста, СПИДВ. Редкая болезнь с симптомами, похожими на те, что наблюдаются при СПИДе у людей, зараженных ВИЧ-инфекцией. Но в отличие от СПИДа синдром приобретенного иммунодефицита взрослого возраста вызывается не вирусом, передается не половым путем и поражает без видимых причин лиц тайского и тайваньского происхождения в возрасте около сорока лет.

Причину подозревали генетическую. Никакого лечения на данный момент не было. Слишком мало случаев, недостаточно исследований и финансирования. СПИД убивал миллионы человек, СПИДВ был каплей в море. По большому счету всем было на него наплевать.

У Фонга больше не было иммунной системы, он был безоружен перед микробами. Малейший гастроэнтерит, самый безобидный вирус извне – и он окажется на больничной койке там, где, по печальной иронии судьбы, прежде работал: в инфекционном отделении больницы Сен-Луи. Однажды простой насморк, подхваченный от Амандины, развился у него в острую респираторную инфекцию и едва не убил. Молодая женщина долго не могла простить себе свою оплошность.

Фонг отказывался от госпитализации, хоть и знал, что внешняя среда рано или поздно доконает его организм, если в ближайшие годы не найдут лечения. После инцидента с насморком Амандина решила, что они должны переехать, чтобы дышать хоть чуть-чуть более здоровым воздухом в безопасной для Фонга обстановке. Они продали свою парижскую квартиру, чтобы поселиться у леса в специально оборудованном лофте. Архитектор, знавший о болезни Фонга, разработал сложнейшие планы. Лабиринт коридоров, герметичные перегородки, очистительные фильтры, много плексигласа, замки на всех дверях, бронированный вход, сигнал тревоги... Настоящий бункер. Амандина всегда боялась взломщиков, нападения, которое могло бы оказаться роковым для ее мужа: микробы, принесенные ворами, воспалившаяся рана... Разумеется, Фонг не мог больше работать, заниматься спортом вне дома, контактировать с внешним миром. С кино, посещением музеев, даже с магазинами было покончено. Слишком много микробов.

Теперь, стоило молодой женщине приболеть или хотя бы заподозрить начало простейшего насморка – что случалось несколько раз в год, – супруги переходили на карантин, разделенные стеклами, они общались при помощи усилителей звука. В распоряжении Фонга оставались его спальня, гостиная, ванная и большая кухня. Амандина оказывалась по другую сторону стекол, перемещаясь по паутине коридоров. Он стирал свое белье, Амандина свое. Если он хотел преподнести ей цветы, то их вручал курьер, а Фонг находился в метре за стеклом.

Узнав о болезни Фонга, Амандина тоже хотела бросить работу. Ведь при том, что она постоянно контактировала с микробами, жизнь мужа подвергалась опасности. Потом, по зрелом размышлении, она решила, что происходило скорее обратное: работа с опасными микроорганизмами, в зоне риска, при постоянной опасности заражения принуждала ее к ежесекундной бдительности.

Они были ее гневом. Ее наваждением.

Она поклялась, что ни вирус, ни бактерия не убьет Фонга, пока она живет с ним рядом.

Она берегла его, как собственную плоть.

Оградить его во что бы то ни стало.

В эту ночь он вскоре уснул – он часто очень уставал, – а она, нежно погладив его по щеке, ушла в свой кабинет, где еще немного поработала. Тема ее исследований была связана с генетической и фенотипической изменчивостью некоего типа бактерий с непроизносимым названием, разбиралась в которых лишь горстка специалистов-микробиологов. Амандина поставила себе цель через год или два сдать на ЛРИ. Чтобы получить лицензию, нужно было с юных лет проявлять склонность к исследованиям, выделяться среди коллег, публиковать статьи. Это был ее случай, ей всегда хотелось понять мир. И попытаться, на микроскопическом уровне, добиться прогресса.

Но подготовка требовалась поистине титаническая. Она выматывала ее психологически.

Чуть позже она получила электронное письмо с личного адреса Клода Бейза, знакомого из ВОЗ, отправленное в 00:24. В теме значилось «Лебедеи». Она открыла его и прочла.

Добрый вечер, Фонг (и добрый вечер, мадам Фонг).

Рад был слышать тебя по телефону, надо бы повидаться, если ты как-нибудь выберешься в Женеву. Я тоже иногда бываю в Париже, буду держать тебя в курсе.

Итак, вот новости насчет твоих лебедей. Три перелетные птицы из заповедника Маркантер – не единственные жертвы. Еще четыре лебедя были обнаружены позавчера на границе Нидерландов.

Три вчера утром в природном заповеднике Цвин в Бельгии. Один в Германии в среду вечером. Иными словами, на всей протяженности их миграционного коридора.

Мертвый лебедь в Бельгии был окольцован и оснащен GPS-передатчиком, принадлежащим Wildlife Conservation Society, неправительственной организации со штаб-квартирой в Нью-Йорке. Этот аппарат наверняка позволит узнать, где птицы подцепили болезнь, и определить ее очаг(и). Очевидно, что мы напали на след.

На данный момент результаты анализов этих лебедей еще не поступили из различных центров изучения гриппа; мы ждем. Как бы то ни было, знай, очень может быть, что большая бяка спокойненько гуляет в кишках этих дражайших лебедей и в их испражнениях. И убивает их.

Будем начеку... Я буду держать тебя в курсе и немедленно сообщать обо всем, что происходит. Хоть это я могу для тебя сделать.

Разумеется, пусть это письмо будет спрятано в укромном уголке твоего компьютера.

Клод.

P. S.: Где ты теперь работаешь? Я не совсем понял твои слова.

Усталая Амандина выключила компьютер. Мертвые птицы – странно все это. Надо дожидаться результатов. Если присутствие H5N1 подтвердится, Европейский союз, ВОЗ, ИЭН точно знают, как действовать. У них есть превентивные планы во многих областях – Биотокс, Вижипират, ORSEC, – в том числе и гриппа. Таким образом, наступит фаза второго плана

гриппозной пандемии – хотя на этой стадии слово «пандемия» не вполне уместно, речь идет скорее о предпандемической тревоге, – состоящая в принятии мер и информировании, чтобы избежать распространения вируса в птицеводческих хозяйствах: как и в Маркантере, затронутые водоемы будут изолированы, ветеринарные службы поставлены на ноги, проинформированы птицеводы, работающие вблизи зон риска. При малейшем подозрительном случае птицевод должен о нем сообщить, и все его птицы будут уничтожены.

Не может быть полумер с вирусами типа *Influenza*. Эти микроорганизмы слишком непредсказуемы. И опасны. Достаточно вспомнить знаменитую испанку – ученые до сих пор называют этот вирус вирусом-убийцей, – которая унесла в 1918-м миллионы жизней, убив больше народу, чем мировая война. И такое бедствие может возникнуть в любой момент.

Молодая женщина вымыла руки в своей ванной и вернулась в гостиную, чтобы погасить свет. Она покосилась на десяток оригами, лежавших на столе.

Ее взгляд остановился на белом лебеде, который раскинул крылья, словно хотел взлететь.

И может быть, унести к новым горизонтам этот чертов вирус.

– Чертов вирус!

Франк Шарко стукнул по экрану своего компьютера, будто мультяшка, заблокировавшая все пиксели, могла исчезнуть как по волшебству. Собственное бессилие его раздражало. Он и так-то с компьютерами не очень ладил. Люси Энебель, сидевшая на другом конце общего зала криминального отдела, на третьем этаже дома 36 по набережной Орфевр, подняла бровь и покосилась в его сторону.

– Думаю, у меня то же самое, что у тебя.

На экране человечек с лицом пирата непрерывно колотил по голове полицейского. При каждом ударе он противно вскрикивал: «Эх! Эх!» Внизу экрана стояла подпись: «CrackJack».

– Очень смешно.

Лейтенант Франк Шарко попробовал разные комбинации на клавиатуре, потом выключил компьютер принудительно и снова включил. Пока машина загружалась, он быстрым шагом пересек помещение. Лейтенант Робийяр улыбнулся. В кои-то веки его коллега занялся административными делами и печатал отчеты, вот уж непруха!

Шарко обнаружил, что у Люси на экране идет та же мультяшка. Вдруг прозвучал голос Робийяра:

– Бум – и мне тоже досталось!

Он распрямил свое большое тело бодибилдера – в свои сорок он еще тренировался в спортзале четыре раза в неделю – и поднялся, хрипло закашлявшись. Выглядел он не лучшим образом. При нем даже не было его неизменной оранжевой спортивной сумки, как всегда по понедельникам.

– Извините меня... Так... Выпьем кофе, пока не наладится?

Он обошел помещение, собирая мелочь, взял металлический поднос и вышел в коридор. К кофейному автомату стояла очередь. Вирус, очевидно, распространился по всему этажу.

Когда десять минут спустя он вернулся с напитками, Николя Белланже, их шеф, как раз вошел в общий зал. Лет тридцати, небрежно одетый в джинсы и однотонную рубашку. Этаким беззаботный шик. Рядом с ним стояла Камиль Тибо, его подруга. Она работала в административном отделе, через два кабинета.

Шарко вернулся на свое место у окна, выходящего на Новый мост и Сену. Они старели, но пейзаж – нет. Небо было цвета серебряного слитка. Низкий небосвод, монотонный, без оттенков; выходить на улицу не хотелось.

Его компьютер загрузился, но маленький пират никуда не делся и по-прежнему блокировал все программы. Невозможно было кликнуть ни на одну иконку.

Николя вышел на середину помещения:

– Что ж, похоже, неделя начинается скверно. С одной стороны, у нас мелкие неприятности, которые временно парализовали работу некоторых наших компьютеров.

– Ребята из отдела информатики бегают по всем офисам и отключают сетевые кабели, – добавила Камиль.

Белланже затянулся электронной сигаретой. Элегантная модель из красного дерева с

запахом ледяной мяты. Он бросил курить, с тех пор как они поселились вместе с Камиль.

– А с другой стороны? – насмешливо бросил Франк.

– Найдены трупы человека и собаки рядом с национальной автострадой сто восемнадцать, в Медонском лесу. Мужчина лет пятидесяти. Тревогу подняла его жена, ночью она позвонила в ближайший комиссариат. По предварительным данным, мужчина всегда выгуливал свою собаку в полночь, перед сном. Долгая прогулка по лесу.

– Такая долгая, что он не вернулся.

– Точно. Прокуратура начала следствие, служба криминалистического учета уже на месте преступления, и Поль Шене, судмедэксперт, тоже выехал.

– Если Шене поднял зад, значит дело серьезное.

– Сам все поймешь, когда увидишь труп.

Все встали. Люси указала на место четвертого из команды, лейтенанта Леваллуа:

– Жак сегодня не работает?

– Он звонил. Приболел.

Шарко улыбнулся. Леваллуа зачастую проводил субботние вечера бурно, и понедельник не был его любимым днем.

– Похмелье после выходных?

– Он не исключение, несколько человек на этаже отсутствуют. Но мы и вчетвером справимся как большие. Во всяком случае, попробуем.

Общий зал разом опустел. Николя задержался наедине с Камиль. Он прочел печаль в ее глазах и успокаивающе погладил по спине:

– И от тебя расследования никуда не убегут, поняла?

– Когда?

– Ты перенесла пересадку сердца всего год назад. Через несколько месяцев подготовишься к конкурсу на звание лейтенанта, а когда придет время, я задействую свои связи. Но наберись терпения.

Он поцеловал ее в губы.

– Ладно, мне надо бежать.

– Береги себя.

Оставшись одна, Камиль подошла к окну и посмотрела вслед Николя и его команде, выходящим со двора дома 36.

Добраться до Медона, на юге Парижа, в понедельник утром было нелегко.

Перегруженные дороги, авария на окружной, дорожные работы, не говоря уж о пертурбациях в Управлении парижского городского транспорта, где в последнее время сложилась нелегкая обстановка. Страна была парализована забастовками, как никогда. Бастовали учителя, шоферы-дальнобойщики, железнодорожники, и всего круче – весь младший медперсонал вышел на улицы. Они устраивали уже третье шествие в знак протеста против реорганизации больничных служб. Правительство не уступало, напряженность нарастала, но в высоких сферах полагали, что движение скоро выдохнется.

Два полицейских фургона припарковались за вереницей других машин на обочине дороги, между деревьями в желто-рыжей листве. Осень захватила каждый уголок леса, окрасив его в красивые медные оттенки.

Четверо полицейских углубились на сотню метров в лес. Коллеги-криминалисты установили ограждение вокруг трупов – человека и его собаки, – стремясь отыскать максимум следов.

Лица были серьезны, никто не разговаривал, слышался только шорох шагов по растительному ковру. Офицер службы криминалистического учета Оливье Фортран подошел к Белланже и его спутникам. Они пожали ему руку и быстро распределили обязанности. Люси и Шарко надели защитные комбинезоны, чтобы не загрязнять место преступления, а Робийяр и Белланже заговорили с Фортраном и коллегами из муниципальной полиции, которые прибыли первыми.

Франк и Люси подошли к телу, придерживаясь размеченной полицейскими дорожки. Было холодно, и лесная сырость словно тисками сжимала грудную клетку. Шарко такую погоду ненавидел.

Темноволосый мужчина склонился над трупом, упираясь коленом в землю. Поль Шене, судмедэксперт, которого пара хорошо знала. Пару раз в год они обычно обедали вместе, просто удовольствия ради. Собака лежала метрах в двух. Старый, черный с белым кокер, весь покрытый кровью и листьями. Шене выключил диктофон и спрятал его в карман.

– Не очень красиво, да?

Зрелище действительно было не из приятных. Мужчина лет пятидесяти в тренировочном костюме лежал лицом к небу. Его глаза засыпали землей, ее напихали и в рот, так глубоко, что шея вздулась. Пересекающиеся царапины обезобразили лицо, как будто его пытались просунуть сквозь решетку. Увидев такое, Люси Энебель представила, как ожесточенно бил напавший, справа, слева, по диагонали. Грудь тоже не пощадили. Царапин здесь не было, зато десятки дыр по всему торсу, больше всего в области сердца.

Шене попросил фотографа распечатать последние снимки: крупные планы кистей рук и ногтей. За много лет, что Шарко знал судмедэксперта, тот всегда выглядел так: маленькие круглые очки и аккуратно подстриженная бородка. Профиль угловатый, как скальпель.

Люси принялась. Пахло...

– ...Мята, – сказал медик.

Воздух был такой сырой и холодный, что облачко пара вырывалось изо рта при каждом слове. Судмедэксперт указал на труп:

– Это я расстегнул куртку и поднял футболку, чтобы осмотреть тело. Множественные

проникающие ранения, нанесенные холодным оружием. Такие проникающие, что... – он перевернул труп, уже окоченевший, как бревно, – в верхней части туловища орудие убийства повсюду прошло насквозь. Взгляните...

Он показал несколько мест на груди, потом на спине. Люси уже не раз убеждалась, что только у свежих трупов такая белая, почти прозрачная кожа. Очень быстро она становится молочно-желтой, потом темнеет. Зеленеет, чернеет... Это обусловлено химическими реакциями внутри тела, процессами разложения, размножением всевозможных бактерий: труп становится маленькой автономной фабрикой, постепенно пожирающей себя.

– Отверстия четкие, расположены по два, в трех сантиметрах друг от друга. На первый взгляд они выглядят круглыми, это не лезвие. У меня такое чувство, что кое-где на спине можно найти соответствия, то есть места, где орудие убийства вышло. Над этими элементами мне еще предстоит поработать.

Поодаль люди, кто в стерильных комбинезонах, кто в гражданской одежде, сновали по опушке леса. Десяток насекомых, начавших строить муравейник расследования.

– ...И с собакой то же самое. При вскрытии будет легко установить размер и форму повреждений, но я сказал бы, что проникновение как минимум на пятнадцать сантиметров.

Шарко прикинул длину руками и присвистнул сквозь зубы:

– Ничего себе. А ты представляешь тип оружия?

– У меня такого нет даже в Институте судебной медицины, когда я потрошу трупы. Во всяком случае, похоже, это редкая вещица. Не из тех, что берут с собой на улицу.

Он выпрямился и снял двойные латексные перчатки. Под белым хлопковым комбинезоном на нем была тонкая кожаная куртка.

– Окоченение еще не до конца наступило. Мертв, стало быть, меньше десяти часов.

– Иначе говоря, остановка жизненных функций в районе полуночи как минимум.

– Его убили здесь?

– Непохоже, листья вокруг были бы в большем беспорядке. И больше крови. Но трупные пятна указывают на то, что его не перемещали. Или, если перемещали, это не заняло много времени. Не больше четверти часа...

Люси огляделась. Вокруг были только деревья.

– И потом, собака. Ее как будто нарочно положили здесь, рядом с хозяином.

Она уставилась на разинутый черный рот, полный земли. На засыпанные грязью глаза. На изрезанное лицо. Почему убийца устроил все именно так? Гнев? Стыд? Мечь? Он не хотел встречаться взглядом со своей жертвой? Люси отошла к собаке, которую *просто* убили, почти чисто. Действительно мизансцена или пес случайно попал под раздачу?

Поль Шене взял свой чемоданчик с оборудованием и измерительными приборами.

– Ладно... Заберу его, пока он свежий, и вызову ветеринара для вскрытия. Псина – это не мое.

Он махнул рукой служащим похоронного бюро, которые курили в сторонке, и вышел из периметра с Шарко и Энебель.

– Да, как поживаете-то вы оба? Дети, новый дом?

Люси засунула руки в карманы:

– Все путем. Устроились хорошо, всего на две остановки скоростного метро дальше добираться до работы, но это ничего, и потом, мы часто ездим на машине. А Жюль и Адриен уже большие мальчишки, шестнадцать месяцев.

– Шестнадцать месяцев. Бог ты мой... Обязательно надо успеть пообедать вместе, пока

они не поступили в университет, а я не впал в старческий маразм.

– Назначим встречу в морге.

Он попрощался и ушел. С Люси разом слетела веселость, когда хозяин и собака исчезли в черных чехлах и отправились к столам для вскрытий и ящикам морга. Им повесят бирку на ногу – или на лапу. Еще вчера они были живы. А сегодня... Какой-то монстр решил сократить их жизнь. Отнять ее без разрешения.

Она всмотрелась в окружающий лес. Черные стволы, почти голые деревья, листья, трепетавшие на ветру и бесшумно падавшие на землю. Осень продолжала свою подрывную работу.

– Что скажешь?

– Когда находят трупы в лесу, следствие затягивается. Способ убийства, эта земля на его лице... Выглядит как-то ненормально.

– Убийство всегда ненормально.

Шарко дал ей легкого тычка в бок:

– Угу. И тебе это очень нравится, а?

Николя Белланже, договорив с муниципальными полицейскими, подошел к ним со своим блокнотиком в черной кожаной обложке. Резким движением он закрыл его и сунул во внутренний карман куртки.

– Его зовут Феликс Бланше, пятьдесят три года. Жил в доме в пятистах метрах отсюда, с женой и собакой. Местные полицейские и семейный врач сейчас там. С женой плохо.

Лейтенант Шарко легко мог себе представить, какой это был удар. Бедная супруга, наверно, никогда не оправится. А ведь им придется ее допрашивать... Вот что Шарко ненавидел больше всего, что рождало в нем лютую злобу. Эти чертовы убийцы не только отнимают жизнь, они разрушают семьи. Часто близкие не могут пережить испытание и превращаются в настоящих зомби.

– Что удалось обнаружить?

– Ребята нашли возле тела обрывки раздавленных листьев мяты и фрагменты, похожие на кусочки губки. Все это пойдет на анализ.

Шарко выдохнул через нос:

– Мята и губка, надо же.

– Следов пока не нашли, слишком много листьев, земля относительно сухая. Не нашли и крови в других местах, лес большой. Точно не известно, где он был убит. Здесь или где-то дальше.

Франк посмотрел на часы:

– Мне надо кое-куда позвонить. Робийяр останется с ребятами из службы криминалистического учета, чтобы получать информацию напрямую. Вы дуйте к вдове, надо действовать, пока все не усложнилось. Смотрите аккуратней, она знает только, что ее мужа убили, но не знает как. И возвращайтесь с уловом. Будет хорошо для группы закруглить это дело по-быстрому. Надо набирать очки.

Шарко поправил воротник застегнутого на все пуговицы пальто и по примеру своей подруги засунул руки в карманы.

– Мечтать не вредно.

Александр Жакоб собрал девять из двенадцати сотрудников ГМР в зале заседаний Пастеровского института в Париже. Из отсутствующих двое были в командировке где-то в Юго-Восточной Азии, третий работал над срочным случаем в лаборатории Центра изучения гриппа.

Стаканчики с кофе были зажаты в руках или стояли на столе. На большой белой доске в глубине зала еще можно было разглядеть следы событий, которыми занимались другие команды Пастеровского института: заражение *Pseudomonas aeruginosa* в университетском госпитальном центре Клермон-Феррана, поломка рентгеновского аппарата в больнице Лиона, заболевание в яслях, вызванное употреблением апельсинового сока...

Это импровизированное совещание в понедельник утром не предвещало ничего хорошего. Амандина и Жоан сидели рядом в конце стола. Лица закрытые, встревоженные, в ожидании информации. Молодая женщина поделилась с коллегой сведениями от знакомого Фонга из ВОЗ. Жоан выразил свое изумление, проведя ладонями по обе стороны пробора, и сказал только: «Горячо».

Жакоб включил эпидиаскоп, присоединив к нему экран своего ноутбука. Появились окрашенные фиолетовым сферы на небесно-голубом фоне. Они были, казалось, увенчаны темной короной, окруженной тысячами волосков. В центре можно было различить маленькие прозрачные пузырьки. Амандина узнала вирус гриппа, похожий на мягкого морского ежа, в котором не было ничего симпатичного.

– Все сказанное здесь должно остаться в этих стенах. Министерство здравоохранения, ИЭН и высокие инстанции требуют от нас полной секретности. Пресса рано или поздно узнает о лебедях, но это не должно исходить от нас. Разумеется, никто из вас не вправе сообщать журналистам что бы то ни было без моего разрешения.

Он обвел присутствующих взглядом. Его голубые глаза, маленькие и круглые, глубоко сидели в глазницах под выступающим лбом. Всякий раз, когда Амандина его видела, ей вспоминался большой муравьед. Она всегда думала, что мозг у него, должно быть, значительно больше среднего, при таком размере и странной форме черепной коробки, на которой росли редкие светлые волосы.

– Стало быть, как вы все знаете, мы обнаружили в пятницу трех мертвых лебедей в парке Маркантер. Амандина и Жоан взяли пробы совместно с ветеринарными службами.

Он нажал кнопку. По экрану поплыли мертвые птицы разных видов.

– Между четвергом и десятью часами вечера воскресенья еще сорок семь перелетных птиц были найдены мертвыми в разных заповедниках Европы. Дикие лебеди, гуси, серые журавли...

По группе пробежал шепоток. Амандина с коллегой озабоченно переглянулись. Значит, отмечены новые случаи после письма знакомого из ВОЗ. Почти полсотни перелетных птиц, разных видов, в разных местах... Это было уже много.

– При таком значительном количестве и обширной географии есть, по всей вероятности, еще десятки, если не сотни птиц, которых не обнаружили или о которых не сообщили, оставшихся на лоне природы, – продолжал Жакоб.

Шеф указал на экран, где снова был увеличенный вирус. Потом он перевел взгляд на молодую женщину лет тридцати в белом халате, с волосами цвета воронова крыла и

стрижкой каре. Она нервно тербила свой стаканчик, сжав губы.

– Анализ проб, взятых в Маркантере, делала Северина. Северина?

Северина Карайоль встала. Маленькая, плотно сбитая, скромная женщина. Она работала в Центре изучения гриппа пять лет и проводила рабочие дни, а порой и выходные, повторяя одни и те же жесты, следуя одним и тем же протоколам. Она анализировала пробы. Амандина была с ней хорошо знакома еще с университета, вот только Амандина потом взлетела, Карайоль же увязла. В ее работе в Пастеровском институте не было ничего захватывающего, но делала она ее профессионально.

– Результаты показывают, что речь не идет о H5N1, но есть сильное подозрение на наличие штамма подвида H1N1. Анализы продолжаются в данный момент.

Это было все, Северина разговорчивостью не отличалась. Она села. На всех лицах отразилось беспокойство. Гриппы типа H1N1 в обиходе назывались, когда переносились людьми, сезонными гриппами. Одну из этих инфекций рано или поздно подхватывали все и хорошо знали их характеристики: кашель, температура, ломота, озноб... Этот грипп был очень заразен и до сих пор убивал сотни тысяч человек по всему миру.

Жакоб поднял палец:

– Северина, ты могла бы высказаться определеннее. Этот вирус, изъятый в Маркантере, задал нам задачу. Тесты с известными иммунными сыворотками, классические методы ничего не дали. Пришлось частично расчленить вирус, чтобы сравнить с мировым банком данных. Там тоже нет соответствий. Некоторые части его генома наводят на мысль о H1N1, но можно сказать наверняка, что это неизвестный вирус.

В зале заседаний все встревоженно переглядывались. Для Амандины «неизвестный вирус» означал две вещи: отсутствие защиты иммунной системы и, главное, отсутствие вакцины. Она помнила, какой хаос возник во время пандемии *Influenza H1N1* – печально известного мексиканского гриппа – в 2009-м. Та же история: неизвестный штамм, откуда-то взявшийся в мексиканской глуши, за несколько недель облетел весь мир. У Амандины еще сидели в голове цифры: 21 апреля 2009-го сотня случаев, 6 мая – 1600 случаев, 13-го – 5200 и так далее до распространения по всей планете. Серьезная угроза, которая доказывала, что вирусы так и будут постоянно эволюционировать в природе, в постоянной борьбе с иммунной системой и таким образом развиваясь.

Александр Жакоб продолжал свои объяснения:

– Сейчас наши команды расчлняют его, чтобы он показал свое истинное лицо. Только ли он птичий? Произошел ли в результате мутации свиного вируса или даже человеческого? Каков его точный фоторобот? Способен ли он преодолевать барьер видов?

Амандина наблюдала за Севериной Карайоль – та затуманенным взглядом смотрела в некую воображаемую точку и не двигалась, только пальцы по-прежнему теребили стаканчик. Вот уже которую неделю она была, казалось, не в своей тарелке. Амандина несколько дней была ее соседкой в лаборатории Центра изучения гриппа, помогала ей с анализами. Она чувствовала, что Северина держится отстраненно. *Отсутствует.*

– В ближайшие часы и дни мы увидим истинное лицо этого милого экземпляра. ВОЗ уже сообщила странам-членам, их будут держать в курсе развития ситуации в реальном времени. Пока же сохраняем бдительность и работаем.

Он снова обвел присутствующих взглядом.

– Мне бы хотелось иметь вас всех под рукой, так что, пожалуйста, никаких отпусков и отгулов в ближайшие дни. Если у вас есть стажеры, прошу вас передать их на время другим отделам. У нас по-прежнему предпандемический план, фаза два. Как вам известно, не в пример H5N1, H1N1 намного легче передается человеку. В нашем случае предстоит выяснить, как он распространяется, как размножается, вычислить его инкубационный период... Будем надеяться, что цифры окажутся благоприятными и этот вирус не распространится с легкостью среди птиц. Вот это грозило бы серьезным кризисом. И вы знаете, как это происходит, на опыте две тысячи девятого. Убивает не столько агрессивность вируса, сколько неизвестность, помноженная на панику и страх, которые она порождает среди населения.

Он выключил экран:

– Вопросы?

Амандина подняла руку:

– Известно, откуда взялся вирус?

– Скоро выясним. Мы анализируем миграционные пути птиц, просчитываем. И потом, лебедь, умерший в Бельгии, был окольцован и оснащен GPS-передатчиком. Это даст нам ценные сведения о его передвижениях в последние дни и, возможно, укажет место, где он подцепил микроб.

Высокий темноволосый мужчина поднял руку и взял слово. Это был Ромен Лакомб, из команды, работающей над вакцинами.

– Все эти птицы повсюду... Обширная география... Возможно, на лоне природы остались мертвые птицы, о которых мы не знаем... Значит ли это, что ситуация выходит из-под контроля?

У Жакоба зазвонил мобильный. Он извинился и вышел. Когда три минуты спустя он вернулся, взгляд его был на удивление мрачен.

– По всей вероятности, да, ситуация выходит из-под контроля.

Он хотел было закончить совещание, но Жоан задал последний вопрос:

– Я, кажется, видел сегодня в кулуарах людей из Министерства внутренних дел. Я не ошибся?

– Полицейских из антитеррористической бригады, да. Ничего сверхобычного. Из соображений государственной безопасности они любят быть в курсе всего, что происходит в наших лабораториях, особенно когда имеет место санитарная тревога.

Больше Жакоб ничего не добавил и быстро ретировался. Все встали, кроме Северины Карайоль, которая так и сидела неподвижно. Как пришибленная.

– Обнаружение неизвестного вируса всегда производит такое впечатление?

Северина подняла голову и посмотрела на Амандину, которая подошла, чтобы задать ей вопрос. В помещении остались только они двое.

– Извини, Амандина, но... мне правда что-то нехорошо.

– Я могу тебе чем-нибудь помочь?

– Все пройдет, спасибо. Просто накопилась усталость за последние дни.

– Это не усталость. Что-то другое мучит тебя уже довольно давно. От усталости так не мнут стаканчики.

Северина не смогла выдавить улыбку. Она подавленно молчала.

– Это твой красавец-врач?

Лаборантка вздрогнула, глаза ее увлажнились. Она встала.

– Нет больше красавца-врача. Этот говнюк Патрик исчез из моей жизни так же, как появился: в два счета. Я не хотела тебе говорить. Не хотела тащить личные проблемы в лабораторию. И потом, что бы ты могла сделать? Ничего... Ничего тут не поделаешь...

Судя по тону ее голоса, все было серьезнее, чем думала Амандина.

– Когда он ушел?

– Уже почти полтора месяца. Но, как видишь, я все еще не могу оправиться.

Она швырнула стаканчик в корзину и пошла к двери. Уже на пороге обернулась к Амандине:

– Парни из антитеррористической бригады... Жакоб говорит, что ничего страшного, но до сегодняшнего дня я никогда не видела их в кулуарах. Они здесь что-то расследуют, как ты думаешь?

– Наверно, да. У меня такое впечатление, что наш шеф что-то от нас скрывает.

Лицо Карайоль помрачнело. Она исчезла, не сказав больше ни слова.

Оставшись одна в своем кабинете, Амандина скомкала заявление на отпуск, которое уже подготовила. Фонг, конечно, расстроится, но молодая женщина сказала себе, что это вопрос нескольких дней. Как только тревогу по гриппу снимут, она возьмет две недели отпуска. Ей это было нужно, она действительно устала. Напряжение, стресс, работа, все более важная, сокращения...

В воскресенье, проведенное с Фонгом в Бэ-де-Сомм, ее немного отпустило, но недостаточно. Они наблюдали за перелетными птицами и говорили о H5N1.

Амандина вернулась к действительности. Первым делом она пристроила своего стажера в другую команду, пока все утрясется. Запросы на микробиологическую экспертизу от фармацевтических и косметических лабораторий скапливались на ее столе. В этой работе, как и в анализе проб в Центре изучения гриппа, не было ничего увлекательного, но она приносила Институту Пастера деньги. Сегодня, если не считать редких миссий охотницы за микробами, ее работа в ГМР заключалась скорее в поисках финансирования, чем в научных исследованиях. Но денег отчаянно не хватало. Был ли у нее выбор?

Стук в дверь отвлек ее от мыслей. Это был Жоан, заглянувший в дверь. Его пробор был не очень аккуратным – признак крайней нервозности.

– Поехали! У нас новое сообщение из Центра гриппа. Жакоб дает нам карт-бланш на изыскания и принятие необходимых мер. И снова придется действовать тихо.

– А куда мы сегодня едем?

– Остаемся в Париже.

Амандина встала и надела пальто.

– В Париже? Что за тревога?

– Та самая, горячая. И на этот раз речь уже не о птицах. Имеем первый случай у человека.

Люси сидела в кресле, зажав руки между колен, напротив Натали Бланше, вдовы.

Лейтенант полиции настояла на том, что сама поведет беседу, решив, что женщина, переживающая личную драму, легче откроется женщине. Шарко держался в стороне, в тени, за спиной подружки, и молчал, а другие полицейские и семейный врач ждали за дверью.

Ставни в доме были закрыты. Лишь маленькая настольная лампа в углу освещала комнату. Натали Бланше никуда больше не выйдет, не захочет никого видеть. Ее мир рухнул. Она погрузится во тьму и будет глушить боль антидепрессантами и снотворными. Женщина все время плакала и без конца задавала одни и те же вопросы: «Почему его убили?», «Как?», «За что?».

Люси Энебель говорила мягко и внятно, выдерживая долгие паузы между словами. Она делала записи в блокноте, зная, что вдове предстоит давать показания позже, на набережной Орфевр.

– Поверьте, мы предпримем все возможное, чтобы найти того, кто это сделал. Но нам нужно, чтобы вы описали события этой ночи. Чем точнее, тем больше у нас шансов быстро продвинуться вперед.

Мадам Бланше посмотрела на нее долгим затуманенным взглядом. Глубоко вздохнула:

– Когда у мужа дневная смена, он возвращается сюда около половины одиннадцатого, в зависимости от пробок на дорогах. Он ужинает, немного смотрит телевизор и около полуночи выводит Джипси...

Она говорила в настоящем времени, отрицая случившееся. Люси подхватила эту манеру, стараясь не волновать ее понапрасну.

– Где он работает?

– Он бригадир в аэропорту Орли, занимается техническим обеспечением. Ремонт машин, всякое такое. Я знаю, что его рабочее место под аэропортом и в подчинении у него десяток человек.

– Он иногда работает по ночам?

– Да, посменно по две недели. У него как раз заканчивается... заканчивался дневной цикл.

– Значит, в котором часу он вчера вышел с собакой?

– Не помню. За полночь, точно. Может быть, в четверть первого.

– Хорошо. Он зовет Джипси, выходит. Он ведет собаку на поводке?

Она покачала головой. Люси приходилось мириться с рыданиями и долгими паузами, тормозившими допрос.

– Джипси пятнадцать лет... Феликс только берет с собой фонарь. Знаете, такие большие кубические фонари, которые держат как факел?

Люси повернулась к Шарко. Судя по всему, фонарь пока не нашли.

– Джипси не мог защитить своего хозяина...

– Он не укусил бы и кошку.

– Сколько времени длится прогулка?

– Полчаса, около того.

– И вы позвонили в полицию...

– Только через полтора часа. Муж все не возвращался, я умирала от беспокойства. Надо

было позвонить раньше, но...

– Вы не могли догадаться.

– Я не решалась.

– Вы знаете, как они обычно гуляли?

– Точно не знаю, но всегда одним и тем же маршрутом, в этом я уверена. У Феликса есть привычки, и его не заставишь им изменить. Привычки, он... говорил, что это святое. – Она высморкалась и указала направление. – Он сворачивает налево и возвращается с той же стороны. Наверно, идет к пруду. Иногда Джипси приходит с мокрыми лапами, даже в сухую погоду.

Люси не заметила никакого пруда вблизи от трупов. Шарко вышел с телефоном в руке, чтобы навести справки.

– А... у вашего мужа были неприятности на работе?

Лейтенант полиции продолжала допрос еще довольно долго, пока не почувствовала, что Натали Бланше на грани нервного срыва. Вдова не могла больше отвечать на вопросы, сдали нервы.

Люси молча встала с комом в горле. Как будет жить эта женщина, одна в четырех стенах? Кто о ней позаботится? Чуть наклонившись, Люси погладила ее по спине. Она заговорила от чистого сердца, хоть ей следовало всегда сохранять дистанцию:

– Мы разыщем того, кто это сделал. Но сюда придут полицейские. Посмотреть компьютеры, бумаги, фотоальбомы. Это не очень приятно, но необходимо.

Мадам Бланше кивнула. Потом заглянула в глаза Люси и вцепилась в ее руку:

– Я хочу... увидеть лицо того, кто сотворил такое. Хочу посмотреть ему в глаза, как смотрю вам. Хочу спросить его, *почему*...

Люси сделала глубокий вдох, выйдя на дневной свет. Такие допросы были похуже присутствия на вскрытии. Горе живых, их недоумение... Шарко, беседовавший с муниципальными полицейскими, подошел к ней:

– Идем, поговорим по дороге к пруду. Туда.

Они свернули с асфальтированной дорожки на лесную тропу.

– Фонарь не нашли, зато обнаружили много следов крови и борьбы в трехстах метрах от того места, где были найдены тела. По всей вероятности, там и произошло убийство.

Шарко плотнее запахнул полы пальто. Резкий ветер бил в лицо.

– Ну? Что дало окончание беседы?

– Немного. Работа, собака, телевизор, баиньки, и так каждый день. Детей нет. Тихая, спокойная жизнь на опушке леса. Хороший дом, это ее наследство... Убитый две недели работал днем и как раз должен был перейти в ночную смену.

Шарко сверился с навигатором в своем телефоне. Пруд был в четырехстах-пятистах метрах слева.

– Наверняка этой дорогой он и шел вчера вечером при свете своего фонаря. Вариантов тут немного. Еще одна дорога ведет к пруду, но она совсем с другой стороны.

– Там, где нашли трупы...

Они шли молча, пытаясь представить собаку и ее хозяина, идущих тем же путем. Дорога вела прямо, а узкая тропинка уходила дальше в лес. Это она вела к пруду. Водоем показался в последний момент после поворота. Темный круг метров пятьдесят в диаметре. Крутые берега, узкий спуск с другой стороны, камыши и заросли крупных кувшинок.

Криминалисты с их начальником Оливье Фортраном и Паскаль Робийяр ставили желтые вехи и фотографировали землю метрах в тридцати от места, где стояли Люси и Шарко, и всего в трех метрах от пруда. Парочка спустилась к воде и подошла к ним по другой дорожке.

Робийяр с замотанной шерстяным шарфом шеей отделился от группы и объяснил:

– Вероятно, именно здесь их убили, в нескольких метрах от спуска. Сломанные ветки, следы, указывающие на борьбу. И опять те же самые листья мяты на земле. Довольно много крови на семи-восьми метрах, дальше более...

Он хрипло закашлялся и достал носовой платок.

– Извините, кажется, подцепил какую-то заразу.

– Ты скверно выглядишь.

– Знаю. И лучше не становится. Все болит, ломит... – Он поморщился. – Так я говорил, много следов крови на семи-восьми метрах, дальше они становятся реже. Убийца пытался стереть кровь, но действовал поспешно. Следы на листьях, развороченная земля. Короче, мер предосторожности он принял мало.

Шарко внимательно огляделся. Вода, деревья вокруг, густая растительность. Потом он сосредоточился на следах борьбы и крови.

– Дорога проходит совсем близко от места, где обнаружили тело. Там, где мы припарковались. Может быть, убийца тоже оставил там машину и хотел увезти тела, но не смог?

– Кто-то помешал? Испугался?

– Фонарь нашли?

– Все еще нет. Возможно, он выбросил его в воду?

Берег там, где они стояли, был отвесный, подойти к воде невозможно. Рядом зашуршали ветки. Взлетела черная птица, похожая на ворона. Шарко проводил ее взглядом и повернулся к Люси, а Робийяр между тем отошел к полицейским из службы криминалистического учета.

– Что скажешь?

– Не знаю, странно это. Знал ли убийца, что у Бланше закончилась смена в Орли и он будет здесь этой ночью? Ждал ли он, прячась за деревьями, вооруженный своими странными ножами? Вот он застигает Бланше врасплох, завязывается борьба. Он убивает его и пытается увезти.

Шарко потрогал узел своего полосатого галстука, глядя вдаль. Люси знала, что на душе у него беспокойно.

– Тебя, похоже, не очень убеждает этот сценарий...

– Почему он пытался забрать и собаку? И потом, если он все спланировал, если имел целью убить и увезти Бланше, почему не напал на него в более доступном месте, не в лесной чаще? Не ближе к машине? Зачем так усложнять?

– Место здесь уединенное. Чтобы быть уверенным, что его не застигнут врасплох?

– А если все как раз наоборот, это его застиг врасплох Бланше?

Шарко присел, провел рукой по листьям у ног. Пересыпал немного земли между пальцами, не сводя глаз с поверхности пруда.

– У меня такое впечатление, что сегодня ночью наш убийца был занят другим делом. И что он не ожидал появления человека с собакой в глухом лесу. Его застигают врасплох, завязывается борьба... Нашу бедную жертву убивают и перетаскивают в лес, чтобы... удалить ее от этого пруда.

Он выпрямился и достал мобильный телефон.

– Надо вызвать водолазов.

«Рено-кангу» Жоана свернул к площади Бастилии.

Микробиологи направлялись на улицу Мерлен в Одиннадцатом округе Парижа. Амандина только что приняла все противовирусные препараты, которые всегда носила с собой в сумке. Из-за болезни Фонга она постоянно пичкала себя профилактическими средствами, антибиотиками, сиропами... Не считая препаратов от мигрени, которые она принимала каждый день. Уже два года ее организм походил на большой химический завод, и это не могло не сократить ей жизнь. Но не важно, она делала это ради Фонга.

Она держала в руках ксерокопию справки, которую передал ей Жоан. Он коротко изложил ей суть дела:

– Нашего человека зовут Жан-Поль Бюиссон, шестьдесят три года, вдовец. Позавчера, в субботу, он показался своему лечащему врачу, доктору Дулленсу. Налицо все симптомы гриппа. Дулленс сообщил в сеть РГНГ^[11] региона Иль-де-Франс, он весьма заинтересован в биологическом наблюдении за сезонным гриппом. В своем кабинете он сделал экспресс-тест на полоске, который ничего не дал: никакой реакции, результат отрицательный.

– Значит, это не штамм сезонного гриппа, который ходит сейчас по нашей территории.

– Нет. Но, судя по симптомам, врач почти уверен, что речь идет о вирусе гриппа. Поэтому он взял у пациента мазки из носа и горла, заполнил справку, которую ты держишь в руках, и послал все в Пастеровский институт на анализ...

Амандина внимательно прочла справку. За границу больной не ездил, прививки против сезонного гриппа не делал. Симптомы – кашель, головная боль, температура, ломота. Врач взял мазок из носовой полости, чтобы получить образцы микробов, и поместил его в специальную пробирку.

– Пока Северина Карайоль была сегодня утром с нами на совещании, ее коллега работал над этим мазком. Открывается упаковка, достается пробирка, и начинаются тесты. Через два часа они идентифицировали грипп типа А. Далее сосредоточились на подтипах. И вот тут-то все и застопорилось. Вирус в их пробирках не соответствует ни одному известному подтипу гриппа.

В морозильниках Пастеровского института в Париже хранились вирусы всех известных в мире подтипов гриппа. Сотни и сотни штаммов, которые рано или поздно заражали людей в том или ином месте планеты, были взяты на анализ и заморожены в лабораториях. Амандина положила справку на приборную доску.

– В точности как с перелетными птицами... Ты думаешь, есть связь?

– Об этом говорить пока рано. Надо дождаться полных результатов анализов, и у птиц, и у человека, чтобы можно было сравнить штаммы. Но, признаться, я все время об этом думаю.

– Если так, наш человек наверняка контактировал с дикими птицами. И в ходе этого контакта птица передала ему вирус.

– Мы это узнаем, когда поговорим с ним.

– Если это подтвердится, ты понимаешь, что это значит?

– Что этот вирус гриппа имеет генетический код, совместимый с развитием у человека. Что в силу какой-то генетической рекомбинации он способен перепрыгивать от птиц к человеку и может прицепиться к каждому из нас так же легко, как ракушка к скале. И тот факт, что пошла волна сезонного гриппа, только осложняет дело. За деревьями мы рискуем

не увидеть леса.

Он тронулся вновь, притормозив на красный свет. Был двенадцатый час, движение спокойное. Ехать осталось недолго.

– Сейчас пациент на пике болезни, стало быть, очень заразен. Я могу заняться им один, если хочешь. Не хотелось бы, чтобы ты принесла какую-то пакость домой. Ничто ведь не помешает этому H1N1 наброситься на организм Фонга. Никакого лечения, никакой защиты.

Амандина никогда не забывала, что даже лечение может убить Фонга. Например, некоторые вакцины, содержащие живые ослабленные вирусы, были для него опасны.

Она покачала головой:

– Это моя работа, Жоан. Наше дело защитить людей.

– Всему есть предел. Обычно твои козявки в лаборатории. Работа на земле – это для тебя довольно ново, и...

– ...У нас есть защитные маски, прикроемся, нет проблем.

– Хорошо. Но, признаться, мне иной раз трудно тебя понять. Ты как будто постоянно ходишь с гранатой с выдернутой чекой в руке.

– Какие инструкции дал Жакоб?

– Первым делом расспросить Бюиссона. И, учитывая, что он ничего не знает о штамме, надо уговорить его провести несколько дней в центре инфекционных заболеваний, чтобы проследить за развитием болезни и уберечь от заражения других людей.

Амандина кивнула с серьезным видом:

– Может быть, этим новым вирусом заражен не только он. Ты об этом думал?

– Пока, по данным РГНГ, это единственный случай.

– Но добрая часть населения вне пределов этой сети. Это как с нашими птицами. На каждый обнаруженный труп приходится десяток необнаруженных.

– Знаю, знаю. Но пока нам придется довериться показателям, у нас нет выбора. Будем надеяться, что они верны и что Бюиссон действительно единственный случай.

Жоан искал место для парковки добрых пять минут. Припарковавшись, они взяли свои чемоданчики, позвонили в интерфон и вошли в дом, указанный в ориентировке. На лице Амандины была написана тревога. Она шла в клетку со львами. Возможно, Жоан прав. Не слишком ли все это рискованно? Не стоило ли ей самоустраниться от этого случая, учитывая необычность ситуации?

Но с неизвестным вирусом имеешь дело не каждый день. Амандина хотела докопаться до сути, понять, как вирус проник сюда, в эти стены. Охота за незримым возбуждала ее.

В чемоданчиках биологов были, помимо дезинфицирующих средств и оборудования для взятия проб, новенькие защитные костюмы в упаковке: шапочки, маски, перчатки, бахилы, комбинезоны с застежкой на животе.

Они облачились на лестничной площадке, удовольствовавшись только маской и перчатками. Лучше все-таки не переносить вирус, трогая дверные ручки, мебель. Ведь даже на воздухе вирусы гриппа продолжают жить несколько часов. И потом, исследователи еще ничего не знали об этом новом штамме. Очень ли он заразен? Каков его инкубационный период? Как легко он передается? Каким путем? Желудочным или, как большинство вирусов гриппа, воздушно-капельным?

Жан-Поля Бюиссона предупредили, что к нему зайдут двое микробиологов из Института Пастера, но больше он ничего не знал. Его удивили и напугали их маски, когда он открыл дверь. Жоан принялся его успокаивать, Амандина же держалась поодаль, удостоверившись, что ее маска плотно прилегает к лицу. Бюиссон был носителем миллионов вирусов гриппа, он распространял их при каждом слове, при каждом чихании. Исследования показывали, что при чихании невидимые капельки разлетаются в радиусе до двух метров. У гриппа нет мозга, но природа наделила его целью: постоянно искать хозяев, чтобы в них размножаться.

– Это, конечно, впечатляет, но это простая предосторожность. У вас грипп, и вы наверняка заразны.

Войдя в квартиру, ученый протянул ему маску:

– Наденьте, если вас не затруднит. Лучше перебдеть, чем недобдеть.

Бюиссон надел маску, имевшую форму утиного клюва, Жоан удостоверился, что она надета как следует. Мужчина в пижаме выглядел скверно. Красные глаза, глубокие черные круги под ними, осунувшееся лицо. Он провел ученых в гостиную и сел на диван, закутавшись в плед. На столе дымилась чашка с чаем. Жоан сел, а Амандина осталась стоять, скрестив на груди руки.

– Маска, ваш приход сюда... Вы не все мне сказали. Со мной что-то серьезное?

Амандина покачала головой:

– Не беспокойтесь. Просто ваш врач входит в сеть РГНГ. Это мощный орган наблюдения за гриппом. Несколько сотен терапевтов-волонтеров, но еще и медицинские центры и больничные лаборатории централизуют данные, сводят статистику и посылают пробы на анализ, все это в целях санитарного контроля и профилактики. Забота всегда одна: не допустить, чтобы неизвестные микробы размножились и распространились среди населения. Мы делаем анализы и, главное, расспрашиваем людей, у которых взяли пробы. Мы что-то вроде полицейских дознавателей, только преследуем микробы. Опознаем их, отлавливаем, препятствуем их распространению. Вы понимаете?

Он как будто успокоился:

– Да-да, я понял.

Он закашлялся в маску. Амандина кончиками пальцев протянула ему новую, ибо влажная маска быстро теряла свою эффективность. Жоан приступил к вопросам. Он держал лист бумаги на твердой подложке и ручку.

– Прежде всего, как вы себя чувствуете, месье Бюиссон?

– Плохо... Температура была под сорок сегодня ночью. Сейчас немного снизилась,

наверно, благодаря лекарствам.

– Вы раньше болели гриппом?

– Было два или три раза, да... Скверное воспоминание от каждого раза... Большая гадость этот вирус.

– В вашей справке написано, что первые симптомы вы почувствовали в пятницу. Так?

Он надолго задумался.

– Да. В пятницу утром мне уже было неважно. Не хотелось есть, усталость какая-то... Насморк я подхватил еще три-четыре дня назад, а тут начался кашель с мокротой. После обеда стало еще хуже. Сильная усталость, все болело, трясло. К врачу я пошел около пяти.

– Вы куда-нибудь выходили в этот день?

– Да, утром, купить газету.

– А где киоск?

– Метрах в пятидесяти отсюда.

– Больше никуда?

– Были у меня планы на вечер, но я слишком плохо себя чувствовал... Остался дома, лежал.

Жоан делал записи.

– Случалось ли вам в последние дни контактировать с людьми, у которых были симптомы болезни? – спросила Амандина. – Головная боль, кашель, воспаленное горло, насморк, температура, ломота...

– Насколько я помню, нет. Кашляли, конечно, тут и там, сезон простуд, верно? Такая сырость стоит в эти дни.

Стуча зубами, он взял чашку с чаем и сжал ее обеими руками. Приподнял маску, отпил глоток и поставил чашку на место. Амандина уставилась на зараженную чашку. Войдя сюда, она ни к чему не притрагивалась.

– Проблема в том, что я много встречаюсь с людьми. Я член небольшой театральной труппы, мы сейчас готовим спектакль. Еще я казначей в клубе авиамоделизма и почти каждый вечер хожу играть в бильярд. Ну и всякое другое.

Жоан кивнул, но их задачу то не облегчало. Столько возможностей подхватить и передать вирус. Он сосредоточился на вопросах, каждый из них был важен.

– Как правило, инкубационный период гриппа, то есть время от момента, когда вы заразились, до того, когда болезнь проявляется и становится очень заразной, примерно сорок восемь часов. Может быть, конечно, побольше или поменьше, то зависит от штамма вируса. Есть какие-то соображения, где и от кого вы могли заразиться гриппом? Подумайте... Это, должно быть, было где-то в середине прошлой недели. В среду, четверг, может, и раньше.

Больной поерзал на диване.

– Понятия не имею.

– Вы как-то планируете ваши дни, ведете ежедневник? Что-то в этом роде?

– Я записываю встречи в телефон. То есть помимо постоянных дел.

– Мы бы хотели его посмотреть.

Он сжал ладонями виски.

– Да-да... Извините, мне трудно сосредоточиться. Голова раскалывается, просто ужас.

Жоан помолчал, чтобы Бюиссон вновь сфокусировал внимание.

– Я понимаю. Вы рыбачите? Охотитесь?

– Нет.

– Из Франции не выезжали?

– Я сказал это моему врачу, когда он заполнял справку. Нет.

– Бэ-де-Сомм? – спросила Амандина. – Маркантер?

– Что я там забыл?

Двое ученых переглянулись. Жоан чуть наклонился вперед и продолжал приглушенным маской голосом:

– Вы не контактировали в последнее время с дикими птицами? Скажем, утки, гуси, лебеди... В парке? У пруда?

Бюиссон вздохнул и сощурился:

– Нет.

– С другими животными? Домашней птицей, свиньями?

– Нет, говорю же вам. Я был в Париже. Никаких животных, даже собак, ничего.

Амандина попыталась привести в порядок свои мысли. Где-то же Бюиссон подцепил болезнь. Был ли он «пациентом зеро» или «случаем-индексом», отправной точкой возможной эпидемии? Или сам контактировал с кем-то другим? С кем-то, растворившимся среди миллионов человек в столице, кто контактировал с птицами? И если так, то как его найти?

Бюиссон забеспокоился. Он смотрел на Амандину и Жоана с подозрением.

– При чем тут вообще животные? Вы говорите о свиньях... Была же история со свиным гриппом несколько лет назад... Что это значит?

Жоан решил, что пора его просветить. Он откашлялся:

– Месье Бюиссон, вы заразились гриппом типа А, это самый распространенный тип. Но проблема в том, что ваш грипп неизвестен.

– Как это – неизвестен?

– Анализы еще не закончены, но, похоже, мы никогда его не встречали, даже в мировом масштабе. Ни сегодня, ни в прошлом. И вы единственный установленный на сегодняшний день больной, который им заразился.

– Единственный? Но... как я мог подцепить такую пакость?

– Мы не знаем. И поэтому мы здесь.

Тут вступила Амандина:

– Надо знать, что вирус гриппа постоянно мутирует. Его восемь генов как восемь игроков футбольной команды. Эти игроки все время меняются местами, иногда покидают поле и заменяются другими, более результативными... В ста тридцати странах мира более ста пятидесяти лабораторий наблюдения заняты тем, что берут анализы у больных и составляют фотороботы этих футболистов. Они наблюдают за гриппом уже больше шестидесяти лет так же серьезно, как телескопы наблюдают за звездным небом в поисках метеоритов. Но они оперируют бесконечно большими величинами, а мы бесконечно малыми. Вы понимаете?

Он кивнул.

– Во Франции это делается в Париже и Лионе. Есть целые альбомы фотографий, которые похожи, но всегда найдутся мелкие отличия. И когда мы видим перед собой команду, не совпадающую с имеющимися на фотографиях, мы пытаемся выяснить, где, когда и кем она составлена.

Жан-Поль Бюиссон вздрогнул:

– Что же теперь будет?

– Нам бы хотелось, чтобы вы побыли несколько дней в центре инфекционных болезней Сен-Луи в Десятом округе. Вы будете под наблюдением, врачи изучат поведение этого вируса, но, главное, вы никого не заразите. Очень важно, чтобы эта футбольная команда не отправилась в турне по всей Франции, если вы понимаете, что я хочу сказать.

Старик поднялся, по-прежнему закутанный в плед.

– Хорошо. Пойду соберу вещи.

Он направился в спальню.

– И не забудьте показать нам ежедневник в вашем телефоне, – сказала Амандина, доставая свою завибрировавшую трубку. – У вас наверняка был длительный контакт с этой футбольной командой в тот или иной момент.

Она ответила на звонок, не снимая маски, поговорила с минуту и отключилась в ярости. Жоан подошел за новостями:

– Что ты такая злая?

– Это был журналист из «Вуа дю Нор», который интересуется мертвыми птицами в Маркантере. Не знаю, откуда он получил информацию и как раздобыл мой номер телефона. Я послала его подальше.

Журналист времени не терял. Надо сказать, что у этих людей глаза и уши повсюду. Грубить журналистам не рекомендуется, это может только усилить их любопытство, их подозрения. Амандина, однако, не хотела связываться, Жакоб высказался недвусмысленно, и для этого есть отдел внешних связей. Как бы то ни было, информация о мертвых птицах скоро распространится среди населения. Пойдут слухи.

А это плохой знак.

Ее телефон снова зазвонил. Это был Фонг. Она отошла, чтобы поговорить с ним, потом вернулась к Жоану.

– Фонг хочет нас видеть, ему надо нам кое-что показать. Удостоверимся, что больной помещен в Сен-Луи, посмотрим его расписание и едем ко мне.

– Что показать?

– Не знаю. Он только сказал, что мы упадем.

Паскаль Робийяр в самом деле чувствовал себя скверно.

Когда Люси и Франк вернулись с сэндвичами, купленными в ближайшей булочной, он сидел под деревом у пруда, сжав голову руками. Он поднял на них лихорадочно блестящие, налитые кровью глаза и покачал головой, когда Люси предложила ему поесть.

– Не хочется. Мне холодно, меня трясет. Наверно, это грипп. Пусть кто-нибудь отвезет меня домой, у нас только одна машина.

Шарко повернулся к Люси:

– Отвезешь его? А я вернусь с криминалистами.

Люси бросила взгляд на четырех водолазов в гидрокостюмах, которые только что погрузились в воду. Ей бы очень хотелось знать, что они поднимут с илистого дна.

– Хорошо. Держи меня в курсе, если что обнаружат.

– А ты смотри не подцепи заразу. Выглядит это скверно, не хотелось бы, чтобы ты заразила этой пакостью близнецов.

Он обратился к Робийяру:

– Держись... Сядь сзади, подальше от Люси, и прикрывай рот шарфом, пожалуйста.

Робийяр с большим трудом поднялся с земли. Странно было видеть в таком состоянии его, всегда поддерживавшего олимпийскую форму. Он скрылся в лесу, Люси пошла следом.

Оставшись один, Франк Шарко прислонился к дереву недалеко от следов крови, энергично жуя сэндвич с тунцом и майонезом. Сначала Леваллуа не смог оправиться после выходных... Теперь Робийяр... И тут это убийство... Ближайшие дни обещают быть трудными, а личный состав ослаблен. Вряд ли ему удастся проводить больше времени с сыновьями. Когда же он наконец решится и бросит свою работу?

Что-то держало его в этой окаянной профессии. Что-то сумрачное, непонятное. Какая-то непроглядная тьма... И это длилось уже двадцать пять лет.

Четверть века во тьме, боже мой...

Шарко шмыгнул носом. Действительно, здесь слегка пахло мятой. Почему убийца разгуливал, имея при себе срезанные листья мяты? Что за бред?

Пузырьки воздуха лопались на поверхности пруда. Водолазы сосредоточились сначала на периферии. Им понадобилось не больше пяти минут, чтобы найти у самого берега, там, где произошла борьба, грязно-белый шлем с налобным фонариком.

– Он был на глубине больше двух метров, – сказал человек-лягушка и снова нырнул.

Шарко вытер руки бумажным полотенцем, отпил глоток воды и внимательно рассмотрел предмет. Он походил на строительную каску, с круговым источником света, прикрученным сверху ремешками. Никаких следов водорослей или ила, в воде он явно пробыл недолго. Принадлежал ли он убийце? Потерял ли тот его в процессе борьбы и не смог достать?

Шарко попросил службу криминалистического учета отправить шлем на экспертизу. Там могли быть волосы, чешуйки кожи, еще что-то...

Через час второй водолаз вылез из воды, снял ласты, погасил фонарь и направился к Шарко. Здоровенный детина с отпечатавшимися на лице следами маски.

– Наши люди нашли кубический фонарь чуть подальше и еще кое-что там, с другой стороны. Четыре привязанных камня удерживали на дне большой полотняный мешок. Они

сейчас обрезают веревки, чтобы поднять мешок на поверхность.

– Очень хорошо. Ничего не забудьте. Ни груз, ни веревки.

Лейтенант Шарко посмотрел на склон. Точно напротив того места, где нашли фонарь, и доступ к нему затруднен из-за растительности. Берег был высокий и крутой.

– Там глубоко?

– Ну, не мелко. Примерно два с половиной метра. Вообще-то, этот пруд – настоящая дыра.

Шарко представил себе действия убийцы. Принести камни, веревки, глубокой ночью, привязать мешок и бросить его в воду. Это наверняка потребовало времени и усилий. Он хотел быть уверен, что мешок не найдут. Наверно, он знал эти места, знал, что пруд глубокий. Кто-то из местных?

На поверхности показались трубки и кислородные баллоны. Три человека всплыли с грузом и положили его у берега. Шарко подошел ближе.

– Сколько он весит?

– Я бы сказал, килограммов шестьдесят...

Они снова погрузились в воду. Шарко рассмотрел плод их поисков. Это был большой крепкий мешок темного цвета, в таких перевозят рис и тому подобные продукты. Ни марки, ни опознавательного знака, тут ловить нечего. Края были скреплены большими застежками, какие используют в промышленности. Лейтенант позвал криминалистов:

– Откройте его, пожалуйста.

Полицейские развернули синее брезентовое полотнище, положили на него мешок, достали из своего чемоданчика тонкие кусачки и вскрыли застежки. Потом осторожно перевернули мешок.

На полотнище посыпались кости всех размеров. На некоторых еще держались кусочки мяса или сухожилий, словно обгрызенных. Четыре черепа с остатками плоти глухо стукнулись о землю. Полицейские переглянулись.

Шарко внимательно смотрел на мертвые головы. Лиц было не различить, глаза как будто растаяли. Кое-где остались пучки волос. Лейтенант выпрямился и потер руки:

– Так... Увозим все это.

На них повисли еще четыре трупа.

Поль Шене, судмедэксперт, с ума сойдет от радости.

Амандина и Жоан вышли из больницы Сен-Луи, поместив туда Бюиссона. Они ехали в сторону юго-западного предместья. Молодая женщина просматривала листки своего блокнота, куда она записала данные из ежедневника больного и новые сведения, полученные от него уже в больничной палате.

– Во вторник Бюиссон весь день был со своей театральной труппой, в районе площади Шатле. Доехал туда на метро, говорит, что пообедал в кафе «Циммер». Вечером бильярд в Десятом округе. Поужинал дома, лег около одиннадцати. В среду, по его словам, с утра ничего особенного не делал, только ходил за покупками в угловой магазин. Есть название магазина. Потом он пообедал со своим сыном, он секретарь суда во Дворце правосудия, а после обеда снова репетировал с труппой. Ужинал в Двадцатом округе с «подругой», Матильдой Жамбар.

– Хорошая жизнь, а? Этому пенсионеру скучать не приходится.

– Часть четверга провел в авиамodelьном клубе, пообедал у друга, координаты у меня есть, после обеда опять театр. Хватит. Он прямо-таки энеджерджайзер, этот тип.

Она захлопнула блокнот.

– Дерьмово.

Двадцать пять минут спустя они приехали в Севр. Лофт стоял уединенно, в стороне, у самого леса. Снаружи он походил на большую глыбу из стекла и бетона. Жоан единственный приходил сюда иногда обедать или ужинать и соблюдал все драконовские меры гигиены, введенные Амандиной. Она оберегала мужа, как медведица, защищающая свою территорию. Может, это был перебор, но Жоан никогда не позволял себе судить ее.

Прежде чем войти, они смазали руки антибактериальным гелем и надели бахилы. Амандина отперла бронированную дверь. Они направились в гостиную молодой женщины по застекленным коридорам, которыми Фонг никогда не ходил.

Жоана не переставала впечатлять изобретательность их системы, эта замысловатая архитектура и то, как они жили вместе. Это было любопытно и ужасающе одновременно. Непрестанный бой с незримым противником превратил Амандину в настоящую маньячку чистоты. Можно было провести рукой над любой из дверей и не найти ни единой пылинки.

Таец же, со своей стороны, был ходячим парадоксом, доказывавшим, что природа лечит болезни так же, как и создает их. Сколько они еще так продержатся вдвоем? Жоан представлял себе миллионы микробов, скапливающихся на стеклах, на одежде, только и ожидающих малейшей слабину, чтобы проникнуть *внутрь* Фонга. И уничтожить его.

Одним движением молодая женщина повернула диван на колесиках так, чтобы он смотрел на плексигласовое стекло. Фонг подошел к нему с другой стороны и нажатием кнопки включил усилитель звука, встроенный в стену. Без этой системы через толстое стекло они бы вряд ли смогли друг друга услышать.

– Привет, Жоан.

– Рад тебя видеть, Фонг.

Таец придвинул стул поближе к стеклу и сел, держа на коленях две сложенные карты. Он махнул рукой Амандине, которая села рядом с коллегой.

– Ну что, я слышал, у вас горячо?

– Вроде того, – ответил Жоан. – Неизвестный штамм H1N1. Один заболевший человек

на данный момент. Изолирован. В лаборатории заканчивают расчленение, чтобы узнать, идентичен ли этот штамм обнаруженному у птиц, и начать охоту на наш вирус. Пошла гонка против часовой стрелки.

Фонг улыбнулся:

– Мне бы нежелательно его подцепить.

Амандина не оценила юмора. Фонг поддел ее:

– Моя жена часто находит мой юмор сомнительным...

– Это еще мягко сказано, – сухо отозвалась Амандина.

– Ладно. Есть догадки о его происхождении? Об отправной точке?

– Пока ни малейших.

– Больной контактировал с птицами?

– Нет.

– Ничего из региональных сетей наблюдения? РГНГ? «Сантинель»?

Жоан и Амандина покачали головой.

– Пресса в курсе?

– Пока нет.

– Они заняты по горло со всеми этими забастовками. Дела в стране плохи.

Фонг встал и отошел налить себе чая. Амандина тем временем приготовила две чашки кофе.

– Ты отлично выглядишь, – сказал Жоан в усилитель звука. – Хотел бы я сохранить такое тело атлета, как у тебя. А я сразу набираю вес, если сижу на месте. Как тебе удастся?

Фонг насыпал несколько ложек китайского чая в ситечко и погрузил его в кипящую воду.

– Лофт большой, хоть моцион совершай.

Жоан указал на экран:

– Ты по-прежнему охотишься за микробами, как я погляжу?

– Нельзя сказать, чтобы я шел в ногу со временем. Коротая жизнь, складывая бумагу, да брожу по Интернету, копаю на предмет микроорганизмов. Знал я времена поинтереснее.

Он вернулся, сжимая двумя руками горячую чашку.

– Кстати, копая, я заметил, что в последние несколько месяцев большие бяки снова гуляют по миру. На Гаити, как на грех, завезли холеру, а что еще хуже – в Заире Эбола.

– В Заире всегда была Эбола.

– Да, но тут другое дело. Источник, похоже, очень активен, а штамм агрессивен. Пора бы заняться этим вирусом вплотную, пока не стало поздно... И вообще, все эти вспышки не сулят ничего хорошего.

«Ничего хорошего» в его устах прозвучало как-то зашифрованно. Амандина вернулась с кофе, подала чашку Жоану и села на место.

– Объяснишь нам? Мы, вообще-то, по идее, на работе, а наш шеф сейчас особенно бдителен.

Фонг развернул карту Европы и прижал ее к стеклу. На ней было много линий и крестиков, нанесенных красной ручкой.

– По последним данным, мы имеем сто две мертвые птицы, о которых сообщено в SHOC Room. Они отмечены крестиками.

Сто две... Количество случаев еще увеличилось после сообщения Жакоба.

– Как видите, обнаружены они вдоль двух миграционных коридоров. Один ведет от севера Европы в Африку, ось Север/Юг, другой – из северных областей к западу Европы, ось

Восток/Запад.

Амандина всмотрелась в карту. Крестики стояли во многих странах. Франция, Бельгия, Нидерланды...

– Самый восточный крестик в Германии. А в других странах, дальше на восток, ничего нет? В Польше, России?

– Вы увидели ровно то, что надо было увидеть. Мой знакомый из ВОЗ переслал мне по электронной почте информацию о мертвом лебедь, оснащенном вот таким передатчиком.

Фонг показал Жоану крошечную черную коробочку на широкой резиновой ленте.

– Память о моих былых годах на земле, я использовал их для лис. Его надевают на шею лебедю и следят за ним в реальном времени, час за часом.

Амандина знала, как работают эти маячки: один такой был спрятан под пассажирским сиденьем ее машины. Таким образом, в случае угона она могла определить ее местонахождение с помощью приложения в своем мобильном телефоне. Некоторые расценивали это как паранойю, но для нее речь шла просто о безопасности.

– Наш лебедь был на гнездовье в России и начал свой перелет в конце сентября. Его звали Мак-Дум... Глупо давать имена лебедям, вы не находите?

– Ураганам же дают, – отозвался Жоан.

– Ладно, пусть. Итак, наш милейший Мак-Дум пересек Белоруссию, Польшу, потом... он прибыл... сюда...

Он чуть отстранил карту от стекла и ткнул пальцем в север Германии:

– На остров Рюген. Самый большой принадлежащий Германии остров в Балтийском море. Настоящий миграционный перекресток для тысяч птиц – журавли, гуси, лебеди, всевозможные пернатые прилетают сюда набраться сил на день или два, чтобы продолжить свой долгий путь. Мак-Дум приземлился здесь седьмого ноября, у меня есть точные GPS-координаты места его пребывания, дивной красоты водоема. Он улетел на следующий день. Наш милейший Мак-Дум пролетает над северным побережьем Германии, делает несколько привалов и наконец приземляется в природном заповеднике Цвин в Бельгии, где и умирает одиннадцать дней спустя от вашего птичьего гриппа H1N1.

Он сложил карту и серьезно посмотрел на двух ученых:

– Ни одна птица не умерла на востоке острова Рюген. И я проверял, все виды, затронутые вирусом, делают остановку на этом немецком острове, прежде чем продолжить свой путь.

Амандина нахмурилась:

– Значит, очаг заражения находится точно на острове Рюген... Но зараженные лебеди, которые летели вместе, должны были умереть одновременно, разве нет? Все затронутые виды должны были умереть в нескольких сотнях километров от острова, когда разразилась эпидемия?

– Вирусы могут функционировать по-разному у птиц и у людей, – возразил Жоан. – Есть две гипотезы. Возьмем случай лебедей. Гипотеза номер один: они все одновременно подцепили вирус на Рюгене, но некоторые особи или некоторые виды восприимчивее других к микроорганизму и умирают раньше. Другие птицы прекрасно могут быть носителями болезни, оставаясь при этом здоровыми и играя лишь роль переносчиков. Таким образом, вирус может жить у них очень долго без малейших тревожных признаков.

– Как, впрочем, и у людей, – заметил Фонг. – Некоторые могут подцепить вирус гриппа, даже не зная об этом, и просто быть носителями, другие отделаются легким насморком, а

третьи от него умрут.

– А гипотеза номер два? – спросила Амандина.

– Один лебедь подцепил вирус на Рюгене. И он передает его другим во время остановок, через свои испражнения. Это менее вероятно, но возможно. Вирус размножается и распространяется в воде или в иле, другой лебедь контактирует с водой и подцепляет вирус. Он умирает где-то дальше. И так далее. Ничто не мешает объединить две гипотезы. Короче, все это сложно, мы ничего не знаем о новом штамме, возможно, он проявляет ультрарезистентность в естественной среде. Вирусы гриппа так мутируют, что могут вести себя очень по-разному в разных штаммах и у разных видов.

Фонг принес свой ноутбук.

– Да, это настоящие боевые машины, запрограммированные на максимально быстрое распространение и размножение... Мой знакомый из ВОЗ сообщил мне, что немецкие власти частично закрыли доступ на остров Рюген вчера вечером. Сделанные снимки поступили в SHOC Room, затем к высоким чинам ВОЗ. Так что, я думаю, ваш Александр Жакоб в курсе с сегодняшнего утра.

Амандина и Жоан удрученно переглянулись. Жакоб, конечно, не все им рассказал, вечно он прячется за печатью пресловутой «секретности».

– Стало быть, наш H1N1 родился на этом острове, – сказал Жоан. – Со всеми этими разными видами птиц и их контактами через экскременты и оперение он может быть результатом случайной мутации, дурной игрой природы...

– Это было бы возможно, не будь снимков, которые я вам сейчас покажу. Вы не поверите своим глазам.

Фонг вывел на экран фотографию и повернул его к стеклу. На ней был мертвый лебедь, частично разложившийся, плавающий в лужице воды.

– Снято вчера вечером, около семи, в час обнаружения, на острове Рюген. Немецкие ветеринарные службы нашли на острове двадцать лебедей в таком состоянии, в разных местах, где концентрация перелетных птиц очень высока. Все делалось, разумеется, в полной секретности, с периметром безопасности под защитой полиции.

Он развернул вторую карту, почти новенькую, на которой была изображена Германия.

– Откуда ты взял эту карту? – спросила Амандина.

Фонг смутился:

– В книжном магазине в центре. Все в порядке, я был осторожен. Надел перчатки, взял новую маску и выбросил ее, вернувшись, в корзину для заразных отходов, ясно?

Амандина начала жалеть, что втянула его в это дело. В азарте Фонг нарушил установленные правила, пусть даже чуть-чуть.

– Ты не должен был ни в коем случае выходить один. Это запрещено, ты же знаешь.

– Все хорошо, Амандина. Это больше не повторится, договорились?

Молодая женщина с трудом сосредоточилась на карте, когда муж повернул ее к ним.

Он отметил точками двадцать мест на острове Рюген.

Жоан всмотрелся и вытаращил глаза:

– Ты шутишь?

– Поверь мне, я не шучу такими вещами.

Жоан вздохнул и поерзал в кресле, держась за голову. Амандина же застыла, уставившись на карту. Двадцать точек, изображавших мертвых лебедей, расположенных друг от друга, судя по масштабу, в нескольких сотнях метров, образовали три идеальные окружности.

Три концентрические окружности.

Фонг отхлебнул чая.

– Природа не могла сотворить «это».

Ученые кивнули. Они просто остолбенели. У Амандины не укладывалось в голове то, что видели ее глаза. Эта геометрическая фигура была вызовом логике.

– Если не природа расположила мертвых лебедей так, что они образуют три концентрические окружности, значит это...

– ...кто-то. Кто-то, хотевший, вероятно, распространить вирус гриппа в природе, используя лучшее орудие распространения из всех возможных...

– Птиц.

От этих слов в комнате повеяло холодом. В эту минуту завибрировал мобильный Жоана. Жакоб интересовался госпитализацией Бюиссона. Поговорив несколько минут, он отключился.

– То, чего мы боялись, сами себе в этом не признаваясь, идет полным ходом.

Встревоженные лица. Сжатые губы. Фонг стоял, насторожившись, по другую сторону стекла.

– Еще случай?

– Госпитализирован в Ларибуазьер.

Сидя в своем кабинете, Николя Белланже держал в руках фотографию в рамке.

На глянцевой бумаге красовалась женщина внушительной стати с короткими темными волосами. Улыбка озаряла ее прямые, угловатые черты. Это была Камиль, она работала в жандармерии на севере страны, женщина, в которую он безумно влюбился.

Чуть больше года назад Камиль пересадили сердце во второй раз. У нее был врожденный порок сердца, и первая пересадка, сделанная двумя годами раньше, была отторгнута ее организмом. К счастью, ей нашли новое совместимое сердце и второй раз вскрыли грудь. Тяжелая операция прошла успешно, и по сей день новая сердечная мышца исправно выполняла свою роль. Ни хронического отторжения, ни других тревожных сигналов. Однако реабилитация была непростой.

Их встреча была результатом стечения невероятных обстоятельств. Познакомились они годом раньше, в августе 2012-го^[12], в ходе расследования темного дела, наверно одного из самых трудных, которые пришлось вести Николя за всю его карьеру. В этих сумерках их пути пересеклись. Они много выстрадали, пережили несколько худших дней в своей жизни, но в конечном счете оба остались живы и были вместе.

Это дело Николя довел до конца со своей командой и думал, что оно похоронено навсегда. Но была эта «штука», полученная им на работе через несколько дней после окончания следствия. «Письмо» в большом конверте.

Слова, написанные тушью на человеческой коже.

У Николя перед глазами были две опечатанные улики. Конверт с маркой с одной стороны и полоска кожи, упакованная в пластик, с другой. Образец был тщательно проанализирован в лаборатории. Анализ ДНК показал, что кожа женская. Она была, несомненно, частью гнусного трафика, который они разоблачили в 2012-м, и принадлежала кому-то из несчастных людей, используемых как сырье.

В дверь постучали. Николя отложил рамку и спрятал улики в ящик. Это была Камиль. Она села напротив него:

– Что-то твоя команда сильно поредела. На месте один Франк.

– Паскалю Робийяру в самом деле худо, и Жак вряд ли вернется. Тоже слег с гриппом. А Люси...

Николя вздохнул и покосился на настенные часы.

– Думаю, она занята своими пацанами... Быть полицейским и родителем одновременно непросто.

– Зачем ты попросил меня прийти?

– Я только что из отдела киберкриминалистики. Кто-то сумел проникнуть в нашу компьютерную сеть, хоть она и очень хорошо защищена, и заразить всю нашу систему. Вирус проник в слабое место и начал стирать файлы в наших компьютерах, в Интернете, переписку, контакты, документы. К счастью, на базах стоит защита, которую вирус пытался уничтожить, но, слава богу, не смог, иначе была бы катастрофа. Компьютерщики сейчас восстанавливают данные. На ваших компьютерах тоже будут кое-какие потери, но всего лишь за последние часы работы перед вирусом.

– Классно.

– Специалисты быстро поняли, что вторжения извне не было, то есть вирус пришел с

одного из наших компьютеров.

– Они знают с какого?

– Да. С моего.

– Ты шутишь?

– Я получил флешку сегодня утром по почте. Анонимно. Она была в конверте из пузырчатой пленки. Мой адрес написан на компьютере. Никакой сопроводительной записки, ничего. Только флешка в конверте, я чисто машинально сунул ее в свой компьютер, на ней ничего не было. То есть это я так подумал...

– На флешке прятался вирус.

– Точно. Он ухитрился обойти наш антивирус. Это значит, что антивирус его не распознал. Что это новый вирус, специально созданный. И вот что высветилось потом.

Николя пристально посмотрел на Камиль и повернул к ней экран своего компьютера. Послание на белом фоне занимало все пространство.

Молодая женщина не поверила своим глазам.

Предпандемический план, фаза 3.

Вирус гриппа, животный или гибридный, животнo-человеческий, вызывает спорадические заражения или мелкие очаги у людей без передачи от человека к человеку.

Фраза еще звучала в ушах Амандины. По словам Жакоба, в ВОЗ уже говорили о повышении уровня тревоги до третьего. Решение будет принято в ближайшие часы.

Случай Бюиссона больше не был единичным, у него появился младший братик.

Вирус был обнаружен в лаборатории вирусологии больницы Ларибуазьер. Пациент пришел в отделение скорой помощи с симптомами гриппа, усугубленными хронической астмой. Затрудненное дыхание, температура 40, его госпитализировали, взяли анализы. В лаборатории на месте не смогли определить подтип гриппа. Опасаясь такого рода сигналов после пандемии 2009-го, заведующий лабораторией отправил образец в Центр изучения гриппа при Пастеровском институте специальным курьером и с пометкой «срочно». Там тоже, как в случаях с птицами и Бюиссоном, вирус не поддавался никаким идентификационным тестам и не соответствовал ни одному известному вирусу гриппа.

После этого открытия был задействован межминистерский антикризисный комитет (МАК) и разрабатывались фазы предпандемического плана по гриппу. Первоочередная задача: следовало остановить вирус. Гонка началась, но все еще было не критично. Два случая, без распространения вируса среди окружающего населения, – с этим можно было справиться. И потом, чтобы эпидемия могла развиваться, нужно совпадение целого ряда условий, удачное сочетание инкубационного периода с периодом заражения, особенно агрессивный вирус. Все ученые были на передовой, уткнувшись в свои пробирки.

– Эти птицы, расположенные концентрическими кругами, как ты думаешь, это форма теракта? – спросила Амандина.

– Мне так не кажется. Я не спец по биотерроризму, но террорист скорее предъявил бы требования, верно? Что значит этот символ? И потом, почему грипп? Почему не оспа или чума?

– Чума – не тот микроб, который легко вынести из лаборатории.

– Как бы то ни было, это акт серьезный, злонамеренный. И тревожные звоночки наверняка уже раздаются повсюду у политиков и высоких чинов. Не знаю, как они станут разруливать ситуацию, но, боюсь, это будет сложно, наделает шуму, и не только во Франции.

Амандина не могла оторваться от своих черных мыслей.

– Представь, ты располагаешь зараженных птиц, набитых до отказа вирусами, на этом проклятом острове и предоставляешь действовать природе. Трупы заражают других птиц, которые рассеиваются повсюду, на тысячи километров, распространяют вирусы в каждом водоеме, заражают все новых пернатых...

Машина въехала на больничный паркинг. Амандина вышла первой и направилась к багажнику.

– Ты помнишь историю с миксоматозом?

– Наполовину. Освежи мне память.

– Тысяча девятьсот пятьдесят первый год... Профессор Делиль раздражен нашествием кроликов на двести гектаров его поместья в замке Майбуа. Поместье между тем огорожено, профессор проверяет решетки несколько раз в неделю. Выйдя из себя, он выписывает из

швейцарской лаборатории через Пастеровский институт агрессивный штамм миксоматоза, свирепствующий в Австралии, и вводит его двум кроликам. Месяц спустя местных кроликов косит мор, а через три года девяносто процентов диких кроликов, но и кролики на фермах тоже вымирают. Затронута вся Европа, никогда не знавшая этой болезни. И как, по-твоему, болезнь вышла за пределы закрытого парка Майбуа?

– Через птиц?

– Через птиц, да, так полагают... Птицы клюют, например, труп зараженного кролика, переносят таким образом вирусы и передают их другим кроликам. А если здесь птицы точно так же передают наш неизвестный грипп H1N1 человеку? Конечно, заражение не может быть непосредственным, но рано или поздно оно состоится. Охотник убивает зараженную утку, ощипывает ее, вот и вдыхает вирус. Перелетная птица умирает вблизи фермерского хозяйства и распространяет вирус... Плохо проваренное мясо... Больная курица снесет яйцо, а кто-то его съест... Велика вероятность, что это БУДЕТ, Жоан, и скоро. Где и когда – этого мы знать не можем.

– По самому пессимистичному сценарию – да. Но надо сохранять оптимизм и продолжать работать на совесть. Мы на то и существуем, чтобы не допустить подобной катастрофы.

Потоп сначала обрушится с неба, потом Апокалипсис выйдет из недр земли. Цвета станут черными, потом красными. Ты, читающий это послание, знай, что я выйду из глубочайших бездн и приду за тобой. Хоть ты прячься, хоть будь на виду посреди улицы.

Этот мир должен быть очищен, отмыт. На ниве растут всходы, грозная черная рать созревает для будущей жатвы, и посев этот скоро пробьет толщу земли^[13].

Камиль уставилась на символ из трех кругов. Этот рисунок был ей слишком хорошо знаком. Молодая женщина съежилась на стуле, вдруг оцепенев. У Николая был очень озабоченный вид.

– Это послание высветилось на моем экране, перед тем как уничтожили вирус. Техник говорит, что оно было частью компьютерной программы, но появилось только в моем компьютере.

Николя достал бумажный конверт, который перед тем убрал в ящик, и подвинул его к Камиль. Она узнала его сразу, с такой редкой маркой, на которой был изображен вид Земли из космоса. Его получил Николай после тяжелого дела 2012-го, когда они думали, что все кончилось.

Потом Николай показал письмо на человеческой коже. Камиль наклонилась над столом и подвинула к себе жуткий лоскут, защищенный пластиком. Она прочла послание, которое и так помнила. Особенно конец, списанный почти слово в слово с последних строк «Жерминаля» Золя. Глаза ее перебежали от экрана к письму.

– То же содержание. Вплоть до знаков препинания. Ты объясняешь мне, что... что...

Она не смогла закончить фразу. Николай кивнул, сморщившись:

– Ты была без сознания в тот вечер, но я в точности помню слова, которые он мне сказал, перед тем как пустить в себя пулю. Они до сих пор звучат у меня в голове. *Вы скоро умрете, молодой человек. Вы и многие другие. Когда Человек в черном осуществит Великий Замысел, у вас не будет никаких шансов. Эта история не закончена, и вам нельзя было в нее соваться.*

Камиль содрогнулась. Она помнила это дело. Как его забыть? Она тогда чуть не погибла. Конечно, Николай, Шарко и их коллеги раскрыли его, но так и не смогли допросить виновных, все были мертвы. Они не нашли никаких следов так называемого Человека в черном, кроме слухов да старой фотографии восьмидесятых годов, расплывчатой, смазанной, на которой угадывался силуэт человека, одетого в черное, на фоне клиники в Мадриде. Дело осталось открытым, но время, новые расследования и отсутствие следов оказались сильнее терпения команды.

Николя единственный из них слышал эти последние зловещие слова о Великом Замысле и о существовании Черной комнаты... Перед смертью тот человек сказал ему: *Я потерпел поражение, мне не удалось добраться до Черной комнаты, но придут другие.* Потом было это анонимное письмо, пришедшее несколько дней спустя, с тремя концентрическими окружностями, символом, известным только преступникам, с которыми они имели дело, и дававшим основания полагать, что есть еще кто-то за всеми этими ужасами.

Человек-невидимка, безлица, без личности, который ускользнул из сетей. Человек, о существовании которого они даже не подозревали прежде. Пресловутый Человек в черном...

Николя нервно вертел в руке электронную сигарету.

– Ты помнишь, что я говорил тебе о трех кругах?

Разумеется, Камиль помнила. Эти три круга были символом, используемым преступниками в деле 2012-го. Это была их подпись.

– Внешний, третий круг символизирует первый слой злодеев, самых видимых, самых экспрессивных, – сказала Камиль. – Серийные убийцы, палачи, те, что на поверхности и действуют не прячась. Люди импульсивные, порочные, они убивают, как дышат. Наемники на службе у злодеев из второго круга.

– Второй круг... Тайное пространство, в котором живут злодеи более умные, способные манипулировать и поработать, чтобы наносить свои удары. Эти не нападают на отдельных людей случайным образом, как серийные убийцы; они глубже укоренены в обществе, они проникают в слабые места системы, чтобы развивать свою преступную деятельность и действовать под покровом тайны.

– Всевозможные махинации, организованная преступность, торговля людьми... Порок и извращение на более высоком уровне. Они без колебаний пользуются услугами людей из третьего круга, бедолаг, способных на худшее ради денег, психопатов, психологически неустойчивых личностей. Эти два круга мы ликвидировали в прошлом году, – уточнила Камиль.

– Да, мы их ликвидировали, нанесли удар проклятой организации, которая подписывается этим символом. Вот только остался еще один круг, поменьше, в этой иерархии Зла. Последний круг, внутри которого находится тот, до кого мы так и не смогли добраться, тот, о чьем существовании мы даже не подозревали, кого нет нигде и кто, похоже, сегодня бросает нам вызов.

– Человек в черном, – добавила Камиль.

Молодая женщина помолчала. Страшные картины, жуткие лица убийц всплывали в ее памяти. Конца ее кошмарам не предвиделось. Николя отпил остывшего кофе и продолжал:

– Если убийцы, с которыми мы имели дело в прошлом году, входят лишь в третий круг, если такое чудовищное занятие, как торговля людьми, – дело людей из второго круга, ты только представь, какой монстр живет в круге первом... Вообрази, какие могут быть намерения у этого Человека в черном. Он играет по-крупному. Это письмо на коже и компьютерный вирус тому доказательство.

Николя задумчиво уставился в пустоту.

– Мы вылоли часть сорной травы, торчавшей из земли, но остался корень, невидимый, глубоко зарытый. И сегодня этот корень породил новую сорную траву... Опять начинается, как будто все, что мы сделали, было ни к чему.

– Ты все-таки спас много жизней, – возразила Камиль. – В частности, мою.

Она встала и прижалась к своему мужчине.

– Мы все уже забыли про это письмо. Больше года прошло... Год Человек в черном вынашивал свою месть, не подавая ни малейших признаков жизни. И вот он снова появился. Он или кто-то из его присных прислал мне флешку, которая заразила наши компьютеры и показала мне это окаянное письмо с угрозами. Он готов осуществить свой Великий Замысел. Но что это за Великий Замысел? А эта пресловутая Черная комната, на что она похожа? Где спрятана? Что в ней?

Камиль посмотрела на экран:

– У нас есть компьютерный вирус. Что можно сделать, чтобы найти его автора?

– На сегодняшний день, к сожалению, немного. Интернет не в нашей компетенции, это дело киберкриминалистики. Вирус подписан неким CrackJack. Это не поделка, нужно много времени и ума, чтобы обойти наши системы безопасности и создать такого вредителя. Рад тебе сказать, что команды мобилизуют все свои знания, чтобы попытаться выяснить, кто он.

Повисла пауза. Неведомый «кто-то» проник к ним. Правда, виртуальным путем, но им нанесли удар. Им, представителям национальной полиции. Затронув их, посягали непосредственно на систему.

Николя отстранился от подруги и уставился на письмо на коже. Это послание показывали специалистам – историкам, религиоведам, – чтобы попытаться понять его смысл. Преобладала идея обновления, очищения, истребления дурного семени для лучшей жатвы. Потоп, Апокалипсис... Библейские катастрофы. *Цвета станут черными, потом красными.* Камиль покачала головой:

– Это просто бред психопата, возомнившего себя богом.

– Ничего хорошего, когда психопаты мнят себя богами. Особенно если вспомнить об ужасах, с которыми мы столкнулись в прошлом году. Не нравится мне это. Совсем не нравится. Сегодня этот Человек в черном начинает действовать. Он хочет завязать битву и на этот раз больше не прячется. Он открывает лицо.

Его слова становились все тяжелее. Николя было страшно, Камиль это чувствовала. Это он получил письмо, с его фамилией, его именем, адресованное на набережную Орфевр. И отправитель письма мог быть кем угодно. Он мог следовать за ним в метро. Наблюдать за его домом. Постучать в его дверь. Это бессилие перед невидимым врагом было хуже всего.

Белланже вздохнул и поднялся:

– Ладно... Пойду объясню все это Люси и Франку. Дождись меня сегодня, ладно?

Камиль поцеловала его. Ей хотелось сказать, что они его возьмут, рано или поздно припрут к стенке, но она вышла, не проронив ни слова.

Амандина надела маску, перчатки и комбинезон, застегнув молнию до самого верха. Надо быть осторожнее, больницы опасны, микробы вылетают из горла больных, распространяются в вентиляционных системах, садятся на дверные ручки...

Жоан взял только маску и держал ее в руке.

Войдя в больницу, они по лестнице поднялись в отделение пульмонологии. Амандина ни к чему не прикасалась. Ни к перилам, ни к стенам. Тео Дюрье лежал в отдельной палате, и посещения пока были запрещены. Амандина нашла его лечащего врача. У больного были расстройство сознания, потеря ориентации, учащенное дыхание. Астма все усугубила, но в больнице его состояние стабилизировалось.

– Вы говорили с его женой?

– Я ждал результатов анализов, прежде чем что-либо ей сообщать.

Жена ждала в коридоре, расхаживала взад-вперед, скрестив на груди руки. Амандина сообщила врачу информацию, которой располагала, и дала ему инструкции:

– Предупредите персонал. С этой минуты никому не входить в его палату без маски и перчаток, выбрасывать их после каждого использования. Никаких посещений, полная изоляция. Больницы – первые рассадники вируса. Вентиляция, ослабленные пациенты...

Врач кивнул. Амандина направилась к молодой женщине.

– Мадам Дюрье?

– Что происходит? Они говорят, что это грипп, но...

Амандина сразу приступила к сути: Тео подцепил неизвестную форму гриппа, о которой на данный момент врачи ничего не знают. Проводятся углубленные анализы, ученые делают все возможное. Самое главное сейчас – понять, как он подцепил вирус, и не допустить его распространения, отсюда изоляция.

Жюстина Дюрье смотрела на Амандину с выражением бессилия:

– У меня двое маленьких детей.

– Где они?

– В детском саду. – Она нервно покосилась на часы. – По идее, мне надо идти за ними через полчаса. Я приняла меры, когда выяснилось, что у мужа грипп. Но... что ни делай, малыши все цепляют только так. Что с ними будет, если и у них эта болезнь? Они слабенькие и...

– Не беспокойтесь. Мы за всем этим проследим, хорошо?

Она кивнула. Амандина не выказывала своей тревоги, но дело сильно усложнилось. Имея мужа-эпидемиолога, она наизусть знала цифры и статистику, по гриппу они были неутешительны. Ребенок, заболевший классическим гриппом, мог один заразить каждого пятого одноклассника. Легко представить цепную реакцию, которую вызывал любой инфицированный малыш. Вирус распространялся со скоростью лесного пожара. Не говоря уж о том, что вирусы гриппа могут быть смертельны для детей младшего возраста.

– После того как заберете детей, ни с кем не разговаривайте, никаких дружеских поцелуев, уходите как можно быстрее. Вы и ваши дети можете быть носителями вируса, часто бывает бессимптомная фаза, которая длится от одного до трех дней: вы больны, заразны, но сами этого еще не знаете. Надо любой ценой избежать распространения вируса.

– Носители? Но мы все делали прививку от гриппа. Я не понимаю. Зачем тогда

прививки, если...

– Я вам объясняю: ваш муж заразился новым вирусом гриппа, мутировавшим и непредсказуемым, от которого вакцина этого года не защищает. Случай исключительный, надо создать новую вакцину, а это займет время.

Амандина перевела дыхание, чуть нажав на маску. Она все еще думала о лебедях, расположенных концентрическими кругами.

– Когда у Тео появились симптомы?

– Ему стало совсем худо в ночь с пятницы на субботу.

Это совпадало со случаем Бюиссона. Двое мужчин наверняка подцепили вирус одновременно...

– А как вы себя чувствуете?

– Хорошо.

– Отлично. Вот как мы поступим: вы с детьми посидите дома. Закройтесь в квартире, никуда не выходите и никого не впускайте. Мы свяжемся с врачом, он придет, чтобы осмотреть вас и прописать противовирусные препараты. Это профилактика, чтобы избежать появления гриппа или затормозить его.

Амандина протянула ей карточку кончиками пальцев.

– Если у вас или у ваших детей появятся симптомы, сразу сообщите нам, хорошо? Это очень важно.

– Хорошо.

– Вы или ваш муж знаете некоего Жан-Поля Бюиссона?

– Я, во всяком случае, не знаю.

– Вы можете дать мне точные сведения о том, что делал ваш муж за последнюю неделю? Скажем, со среды.

– Я... Я не знаю... К чему эти вопросы?

Амандина вздохнула и сделала знак врачу, что намерена войти в палату.

– Я пытаюсь понять, как он заразился гриппом.

Жоан говорил по телефону, он махнул рукой Амандине, чтобы входила без него. Она сделала глубокий вдох и шагнула в ров со львами.

Тео Дюрье не спал, но явно чувствовал себя скверно, лежал на больничной койке, глядя в потолок. Амандина подошла ближе, но оставила между ними добрый метр дистанции. Главное – не терять бдительности. Она играла с огнем. Вирус был здесь, в полной боевой готовности, подстерегая момент, чтобы проникнуть в ее дыхательные пути.

Она представилась и повторила вопросы, которые уже задавала предыдущему больному. Тео Дюрье выдавил из себя ответ между шумными вздохами:

– Я... я не знаю, жил как обычно. Работа, метро, один раз пообедал с коллегой в пиццерии, дважды около полудня совершал пробежки.

Амандина записала имена, которые он с большим трудом ей продиктовал.

– Вечером я... еду прямо домой, полчаса на метро. Я бухгалтер на набережной Орфевр, тридцать шесть. Работаю в административном отделе...

Амандина записала и продолжала расспрашивать. Как и у Бюиссона, никаких контактов с дикими животными, никаких путешествий. Молодая женщина записывала все, что можно, но ясности это не добавляло. У Дюрье и Бюиссона болезнь проявилась одновременно, они наверняка были в достаточно продолжительном контакте с одним и тем же человеком, который передал им вирус где-то в среду. Но кто это был? И где состоялся контакт?

Она вышла из палаты, было уже около половины пятого. Жоан поднял свой мобильный, подходя к ней.

– Я только что говорил с Жакобом. Готово дело, начинаем кое-что узнавать о нашем вирусе. И новости нерадостные.

– Рассказывай.

– Во-первых, вирус, найденный у лебедей, абсолютно идентичен вирусу первого обнаруженного случая у человека. Амандина, это один и тот же штамм.

Худшая гипотеза подтвердилась. Грипп заражал и птиц, и людей. Значит, мог перескакивать с одного вида на другой.

– Наш «H1N1/Маркантер/11/2013» содержит гены нескольких вирусов гриппа, птичьего, свиного и человеческого. И от него нет никакой защиты.

– Откуда он взялся?

– Пока трудно сказать, надо еще покопаться, послать штамм в полторы сотни лабораторий наблюдения по всему миру, чтобы все приложили руку. Но если у него есть человеческий ген, хотя нашли его у птиц, значит...

– ...где-то в мире, возможно, уже есть зараженные люди.

Амандина пыталась собрать фрагменты головоломки, но ей это никак не удавалось. Если вирус не хранился в Мировом банке штаммов гриппа, значит никто никогда его не встречал, ни одного случая не было выявлено службами здравоохранения или центрами наблюдения. Выходит, он был выведен в лаборатории? Был ли это генетически модифицированный штамм, в котором объединили свиной, птичий и человеческий вирусы, чтобы превратить его в грозное оружие?

– Единственный положительный момент – новых случаев у людей пока нет, – продолжал Жоан. – Может быть, среди людей он плохо распространяется? И умрет естественной смертью?

– Хотелось бы в это верить.

– Ну а что дали твои расспросы?

Амандина провела рукой по лбу. Она чувствовала приближение мигрени.

– Немного. *A priori* нет никаких точек соприкосновения с Бюиссоном. Я отправлю эту информацию в ИЭН, они свяжутся со всеми знакомыми Бюиссона и Дюрье, с людьми, которых они встречали и которые установлены... процесс быстро станет тяжким и неуправляемым.

– Ладно... Засим, после этих превосходных плохих новостей, хочешь кофе? Чая?

– Лучше уйти отсюда. Я только схожу в туалет.

В дамской комнате она приняла полтаблетки пропранолола, чтобы остановить головную боль. Иногда это помогало, иногда нет. Ее мигрени были настоящим бедствием и преследовали ее многие годы. Она сдавала анализы, никто не мог докопаться до происхождения головных болей, но предполагали, что они могли быть вызваны гремучей смесью антивирусных препаратов, перепадов давления между лабораторией-бункером и внешним миром и постоянного стресса Амандины. Ей советовали поменьше работать, что в последние месяцы было невозможно.

Она вернулась в коридор, делая вид, будто все в порядке. Она не любила, чтобы кто-нибудь видел, как она глотает свои лекарства.

– И что ты обо всем этом думаешь? – спросила она Жоана.

– Одно могу сказать наверняка – что на сегодняшний день мы потеряли след нашего вируса. Жив, мертв? Никто не знает.

– Дерьмово...

– Да. И вдобавок Жакоб рвет и мечет. Он хочет посадить одного из нас на анализы проб, поступающих в Центр изучения гриппа, чтобы среагировать максимально быстро, если появятся новые случаи. Он уже несколько часов пытается дозвониться до Северины Карайоль; у нее срабатывает автоответчик.

– Это не похоже на Северину, она никогда никого не подводила.

Жоан посмотрел на часы:

– Ты уже провела в центре прошлую неделю, теперь я займусь анализами. Позвоню тебе, если появятся новые случаи, будь на связи. Что бы ни случилось, работаем.

– Ладно. Не знаю, как у тебя, а у меня очень скверное предчувствие.

Было десять часов вечера, когда Шарко вернулся в их дом в Со, южном пригороде Парижа.

Дом, построенный лет пятнадцать назад, находился всего в нескольких километрах от прежнего жилища полицейского и был ничем не примечателен: городской дом площадью меньше сотни квадратных метров, беленые стены, два этажа. Люси всегда мечтала о собственном гнездышке с тремя комнатами, садиком, качелями для детей и подстриженной лужайкой... Оставшись в ближнем предместье Парижа, они не могли позволить себе ничего лучшего, не будучи миллионерами. Но и это было неплохо, городок очень славный, и они вполне там освоились.

Как часто бывало, близнецы уже спали. Шарко чувствовал, что упускает драгоценные мгновения, всякий раз, когда не заставал их улыбок, их по-новому произнесенного «папа». Бесшумно войдя, он поцеловал Жюля и Адриена в лобики. Прикосновение и тепло кожи, щетина и бархат. Шарко поправил им одеяла и вышел, оставив дверь открытой: он хотел слышать малейший звук.

Люси приготовила большой стейк с кровью для него, а для себя достала остатки ветчины и овощной салат. Принюхавшись, Франк уселся за стол. Кухня была современная, практичная и выходила в гостиную. Негромко бормотал телевизор.

Разумеется, Люси тревожилась, и очень скоро они заговорили о «деле». Это вечная проблема четы полицейских. Приносишь грязь в дом и остаешься на службе повсюду, сам того не сознавая. Все равно что спать в обнимку с пушкой.

Шарко нехотя рассказал все, что узнал от Николая: компьютерный вирус, послание с тремя кругами, высветившееся на его компьютере... Люси была ошеломлена. Она тоже была тогда задействована, разрываясь между расследованием, своей матерью и близнецами, которым было всего два месяца.

– Как это воспринял Николай?

– Как бы ты восприняла на его месте? Они с Камиль умирают от страха. Нет ничего хуже, чем чувствовать, что ты под угрозой, не зная, что делать.

– Мы все под угрозой, не он один.

– Да, но это он получил письмо, он вырвал Камиль из их когтей и ликвидировал их организацию.

Шарко жевал мясо молча, механически, уставившись в пустоту. Люси не стала ему мешать. Он выпал из действительности, как это часто бывало, погрузившись в свои темные глубины. Он тоже знал, что такое страх, смотрел ему в лицо множество раз. И в работе, и в личной жизни. За двадцать пять лет он вынес больше, чем любой другой полицейский.

И все же был еще жив.

Он пришел в себя, поняв, что тарелка уже опустела.

– Я сейчас из Института судмедэкспертизы, есть много информации от Шене по нашему делу.

Он достал из кармана куртки листок бумаги.

– Во-первых, жертва и ее собака. Их обоих убили довольно странным оружием. Внимательно осмотрев раны, Шене обнаружил отклонение книзу между точками входа на груди и выхода на спине. У инструмента были изогнутые острия. Шене нарисовал, как он его

себе представляет.

Люси взяла протянутый листок и рассмотрела карандашный набросок. На нем было два изогнутых, очень длинных острия, параллельных, на расстоянии несколько сантиметров.

– Похоже на штуку, которая была у Фредди Крюгера в «Когтях во тьме». Не знаю, видела ли ты этот фильм.

– Я как раз о нем подумала. Только здесь не совсем лезвия, скорее заостренные и изогнутые цилиндры. Да, именно как когти.

– Иными словами, мы имеем убийцу, который избавился от костей в лесной глуши, но разгуливает с таким оружием... И без колебаний уничтожит всякого, кто встанет ему поперек дороги.

Шарко положил нож и вилку на пустую тарелку. Он только сейчас осознал, что с ужином покончено; он не ел, просто заглатывал пищу, слишком занятый своими мыслями.

– Я думаю, он был в гневе, – произнес полицейский. – В ярости, что ему помешали. *А ты видел, что я делаю? Хочешь кричать? Ручаюсь, ты у меня замолчишь...*

– Земля в глазах, в горле...

Шарко кивнул:

– *Я тебя научу молчать.* Шене говорит, что горло забили землей после смерти. Убийца не выказал никаких угрызений совести, он не пожалел времени, чтобы перенести тела подальше от места преступления.

Люси ела медленнее, она не была голодна.

– А трупы из пруда?

– Шене пригласил антрополога из Института судмедэкспертизы. Он был там и собирался работать всю ночь. Я заеду туда завтра утром, пораньше.

Люси пыталась мысленно подвести итоги. Голова пухла, и ночь обещала быть беспокойной: полицейскому трудно уснуть, когда в мозгу крутятся одни и те же вопросы.

Ее мысли прервал Шарко:

– Еще этот запах в лесу. Мята... Я не могу усмотреть связи.

– Это только начало, Франк. Мы не можем ускорить события.

– Поэтому люди и умирают.

Люси встала и убрала со стола. Потом подошла и обняла Шарко сзади. Тело его было напряжено куда сильнее обычного. Остов словно отлит из стали. Но даже самая крепкая броня рано или поздно дает трещину. Слишком много психопатов на этой планете. Их битва не имела большого смысла, Шарко это знал.

И все же они устремлялись в нее вновь и вновь, расследование за расследованием.

Просто потому, что это была их работа.

И они были созданы для нее.

Амандина проснулась как от толчка – так пробуждаются от кошмара.

В ее голове возникла связь.

Было почти семь часов утра. Она вскочила с кровати и проверила сообщения на мобильном телефоне, лежавшем рядом. Минут двадцать назад пришло сообщение от Жоана: «Все усложняется. Постарайся найти „Вуа дю Нор“...»

Не теряя времени, она бросилась в гостиную, где оставила свой блокнот. Нашла записи, сделанные в процессе беседы с Жан-Полем Бюиссоном. Она перечитала каждую строчку и сосредоточилась на последней встрече пенсионера с сыном, секретарем суда: они обедали во Дворце правосудия. Она перевернула несколько страниц. Другой больной из Ларибуазьер, отвечая на вопросы, сказал, что работает бухгалтером на набережной Орфевр, 36. А ведь дом 36 совсем рядом с Дворцом правосудия.

Она заглянула в Интернет. Судя по фотографиям и пояснениям, подследственные и служащие даже могли переходить из одного здания в другое по длинным коридорам. Это была ниточка, за которую стоило потянуть.

Амандина надела серые брюки из искусственной кожи, свитер в тон, проглотила свои лекарства и позвонила Жан-Полю Бюиссону. Пенсионер поворчал, что его так рано разбудили в больнице, но Амандине требовались кое-какие уточнения. Во-первых, как его сын, секретарь суда, не загрипповал ли? Не заболел? Бюиссон ответил, что нет, во всяком случае, вчера был здоров.

Затем молодая женщина попросила рассказать подробнее о встрече с сыном во Дворце правосудия. Бюиссон сказал, что они сначала собирались пойти в ресторан в Первом округе, но в итоге пообедали во Дворце, потому что сын был плотно занят. Они встретились на ступеньках со стороны площади Дофина и поели в заведении, служившем столовой полицейским, адвокатам и всему судебному миру. Потом они расстались и с тех пор не виделись.

Она поблагодарила его, повесила трубку и задумалась. Возможно, именно в стенах Дворца правосудия Бюиссон и Дюрье встретили пациента зоро, сами того не зная. Поэтому стоило пойти задать несколько вопросов в административном отделе Тео Дюрье на набережной Орфевр и попытаться встретиться с сыном Бюиссона, прежде чем начать свой день в Институте Пастера.

Фонг подошел к ней сзади и нежно обнял:

– Уже на посту, моя крошка?

– Я, кажется, нашла след.

– Опять это ночное озарение из тех, что у тебя случаются? Что же это?

– Скажу тебе, если подтвердится.

Она взяла экологически чистое яблоко из корзинки с фруктами, подхватила сумку, сунула в нее планшет и поцеловала Фонга в щеку.

– И не делай больше глупостей, как вчера, договорились? Если тебе надо за чем-то выйти, скажи мне.

– Хорошо, шеф.

Он надел маску и проводил ее до двери. Помахал ей через окошко и вернулся в свою стеклянную тюрьму. Амандина ненавидела эти моменты, когда ей казалось, что она бросает Фонга.

Через несколько минут она припарковалась у станции метро и села на девятую линию. Из-за забастовок были перебои на линиях С и А скоростного метро. В вагоне на нее, как всегда, поглядывали с любопытством. Алебастровая кожа, маска на лице, военный «ежик». Ее, наверно, принимали в лучшем случае за больную с тяжелой патологией, в худшем – за наркоманку.

Сидя в уголке, она не поднимала глаз, стерильные руки бегали по экрану планшета. Она зарегистрировалась на сайте «Вуа дю Нор» и загрузила сегодняшнюю газету.

Люди кашляли. Большинство вежливо прикрывали рот рукой, а потом брались за стойки, сиденья, дверные ручки. Некоторые вирусы, в том числе и грипп, на металле могли жить больше суток. Микроорганизмы разлетались повсюду, от одного человека к другому, проникали в носовую полость, оттуда в легкие, а затем и в кровь. Ничто не могло помешать им распространяться. В одном только вагоне их было в миллионы раз больше, чем людей на Земле.

Амандина пробежала глазами страницы газеты. Забастовки, требования, политические конфликты, хлеб насущный французской осени. На странице 9 она остановилась, ошарашенная. На фотографии был мертвый лебедь на поверхности водоема. И ужасный заголовок: «Подозрения на грипп H5N1 на севере Франции?»

Молодая женщина оказалась перед свершившимся фактом: произошла утечка, вдобавок опасная и лживая, ибо речь шла о H5N1, а не о H1N1. Она внимательно прочла статью. Директор заповедника Маркантер отвечал на вопросы, он не мог отрицать присутствия ученых из Института Пастера, которые потребовали закрытия парка. Ниже один из руководителей ИЭН, отвечая журналисту, пытался разрядить ситуацию: нет, речь вовсе не идет о H5N1, анализы в Институте Пастера в Париже еще проводятся, но в любом случае нет абсолютно никаких причин для беспокойства. На вопрос: «Зафиксированы ли еще случаи смерти птиц?» – он ответил: «Насколько мне известно, нет». Однако же следом журналист говорил о трех других лебедях, найденных мертвыми в Бельгии, и предполагал, что таковые могут быть и в других местах Европы. Разумеется, он многое преувеличил: птицы-де в процессе перелета, и если они являются носителями вируса, то он может очень быстро распространиться по всей Европе.

Эта статья один к одному копировала сценарий фильмов-катастроф и вполне могла воспламенить коллективное воображение. Амандина остолбенела. Как сумел журналист все разнюхать так быстро? Никто не мог знать заранее, что лебеди умрут в Маркантере. Амандина видела лишь одну возможность: кто-то из заповедника поговорил с журналистом до или после их приезда.

Она выключила планшет и спрятала его в сумку. Положение было катастрофическое. Теперь пресса вцепится в них мертвой хваткой, будет ждать результатов, требовать объяснений. Если они узнали о лебедях, то не замедлят провести и о случаях у людей. Министру здравоохранения, политическим инстанциям и ВОЗ придется выступить официально.

Молодая женщина встала и вышла из вагона. Пересадка. Ничего не трогать, не смотреть людям в лицо, идти с опущенной головой. Не существовать, быть призраком, который не

хочет неприятностей на свою голову и не собирается завязывать разговор или помогать туристу найти дорогу. Свести к минимуму биологические контакты.

Через несколько остановок она вышла на станции «Сите» по четвертой линии. Быстро пробежать по туннелям серо-стального цвета, похожим на коридоры океанского лайнера. Микроорганизмы наверняка гуляют по ним, как по бульвару. Она вышла на воздух и смогла наконец освободиться от маски. Было четверть девятого.

Она послала сообщение Жоану: «Статья убойная. А я, кажется, напала на след, буду держать тебя в курсе». Потом она большими шагами пересекла бульвар Пале и надела новую защитную маску. Свобода была недолгой.

На посту охраны дома 36 по набережной Орфевр она предъявила свою профессиональную карточку: ей нужно в административный отдел, чтобы задать несколько вопросов об одном из служащих, Тео Дюрье. Она хотела поговорить с его непосредственным начальником.

Охранник заглянул в компьютер, позвонил и вернулся к ней. Начальник, Габен Кудрье, ждал ее на втором этаже.

Перед тем как войти, Амандина надела пару прозрачных латексных перчаток и огляделась. Жизнь кипела. Полицейские машины, фургоны сновали туда-сюда; десятки человек тянулись к огромному Дворцу правосудия рядом; полицейские шли на службу.

Она вошла в боковое крыло здания. Ей было странно находиться здесь, в этом мифическом месте, где распутывали самые громкие уголовные дела. Однако чем выше она поднималась по старым деревянным ступенькам, тем больше нарастало в ней неприятное ощущение. Она видела большие эмблемы, висевшие или нарисованные на стенах, черного тигра на белом фоне в память о Жорже Клемансо^[14].

Габен Кудрье ждал ее в начале коридора, уходящего вправо, приветственно протягивая руку. Она показала ему свою в перчатке и избежала рукопожатия.

– Меня зовут Амандина Герен, я работаю в Институте Пастера. Вчера я виделась в больнице с одним из ваших служащих, Тео Дюрье, который заразился особо опасным вирусом гриппа.

– Я знаю, да. Его жена сообщила мне, что он слег, два дня назад. С ним что-то серьезное?

– Довольно-таки, особенно потому, что он астматик и это все усложняет. Я пытаюсь понять, где и как он мог подцепить грипп. Прежде всего мне хотелось бы знать, есть ли у вас еще случаи. Еще кто-нибудь отсутствует или представил...

– Отсутствующих полно. Только в моей команде не хватает трех служащих. И, насколько я понял, других отделов это тоже касается.

Амандина жадно впитывала его слова. Кудрье добавил бесцветным голосом:

– Очень удачно, что вы пришли. Потому что у нас тут, похоже, мор.

Двадцать четыре километра коридоров, тысячи дверей, сотни кабинетов. Парижский Дворец правосудия был земным «Титаником», пропускавшим через себя в среднем пятнадцать тысяч человек в день: население небольшого города.

После того, что она узнала в доме 36, Амандина больше часа бегала по этому лабиринту, поднималась на этажи, наугад стучала в двери. Почти везде ей не везло. Больных не было. Но то здесь, то там она узнавала, что такой-то адвокат загрипповал, другой взял больничный с конца уик-энда. Отдельные случаи, но они были.

Молодая женщина размышляла, расхаживая взад-вперед перед оградой Дворца правосудия, где поджидала Жоана и Александра Жакоба. Напротив нее выстроились в ряд одна за другой машины жандармерии. Она видела всех этих людей, которые входили и выходили, рассеивались на улицах столицы, трогали, дышали, обменивались микробами. От этой мысли ее бросило в пот. Может быть, именно в этот момент вирус играл в чехарду. А еще перелетные птицы... Они наверняка разлетелись повсюду, садились на природные и искусственные водоемы, приближались к жилым зонам и к другим диким животным. Кое у кого из людей есть маленькие пруды при домах, куда они приманивают перелетных птиц и кормят их. Через перья, испражнения, воду, на которую садятся птицы, они вступают в контакт с людьми...

Боже милостивый.

Она наконец увидела своих коллег. Они пересекли бульвар и подошли к ней. Жакоб был взвинчен.

– Сколько случаев?

Трое ученых направились к ступенькам Дворца правосудия и встали в сторонке справа от входа. Амандина опустила маску. У двоих других они висели на шее на резинках.

– Префектура полиции затронута, судебные отделы тоже. Только на набережной Орфевр из трехсот человек в уголовке, отделе по борьбе с наркотиками, бригаде быстрого реагирования и штабе тридцать один не вышел на работу.

Жакоб схватился за голову:

– Это невозможно! Может быть, это сезонный грипп, нет?

– Да, но двенадцать заболевших в пятницу, семь в субботу и остальные в понедельник... это слишком много. В отделе кадров мне сказали, что все назвали одну причину: грипп.

– Новые случаи со вчерашнего дня?

– Еще трое не вышли сегодня утром. Итого тридцать четыре.

– Больше десяти процентов личного состава за несколько дней. С ума сойти...

Все трое серьезно переглянулись.

– На автомобильных заводах останавливают конвейеры при трех процентах невыхода, – сказал Жакоб. – Здесь, у чиновников, недалеко до дезорганизации. Невышедших станет еще больше. Больные не вернуться, число новых случаев, боюсь, будет нарастать *крецендо*, если вирус передается так легко, как мы думаем. Этак он скоро выкосит полицейских и персонал, работающий во Дворце правосудия.

Амандина указала на бесконечный холл за спиной:

– Я прошлась по нескольким этажам здания: тот же сценарий. Случаев немного, но все же есть, там и сям. Никакой видимой связи между заболевшими. Поражение отделов и

персонала на первый взгляд случайно.

Если было слово, которое Жакоб ненавидел, то это слово «случайно».

– Ты сказала «на первый взгляд».

– Все это время я над этим думаю. В глаза бросаются два пункта. Во-первых, совпадение первых случаев заболевания: все началось в пятницу, то есть мы имеем основания полагать, что это *наш* вирус. Некоторые служащие совсем разболелись и остались дома, другие держались и все же вышли на работу, но в понедельник тоже свалились.

– В пятницу, – повторил Жоан, – как Бюиссон и Дюрье. Это значит, что они подцепили вирус где-то в среду. И стало быть, все одновременно.

Амандина посмотрела своему шефу в глаза:

– Все эти больные, зараженные нашим H1N1... О чем мы говорим?

Жакоб стиснул зубы:

– Мне очень жаль, но я не могу об этом распространяться.

– Мы не дураки, – отрезала Амандина, – и должны знать, если хотим хорошо работать. Если отмести гипотезу, что стая перелетных птиц могла проникнуть сюда на прошлой неделе и заразить всех, речь идет о намеренном акте, не так ли? Кто-то хочет посягнуть на правосудие? Есть ли лучшее место, чем здесь?

– Войдем... – только и ответил Александр.

Амандина и Жоан незаметно переглянулись. Все трое вошли во Дворец и остановились у поста охраны. Жандармы досматривали входящих. Как в аэропорту, они сложили сумки, ключи, куртки в корзину, которая поехала по движущейся ленте к сканеру. Сами же прошли через рамки с металлодетектором. Жандарм остановил Амандину, когда раздался звонок.

Он подошел к ней с ручным металлоискателем:

– В карманах больше ничего нет?

Порывшись, Амандина достала немного мелочи:

– Наверно, это...

– Вы не могли бы снять маску и положить ее в лоток? Я проверю.

– Почему я должна снимать маску? Я уже проходила через рамку, ничего не сработало. Я просто выпила во Дворце кофе, отсюда и мелочь.

– Прошу вас. Что-то может быть спрятано в маске или даже между ней и вашим лицом.

Амандина колебалась, Жакоб пристально посмотрел на нее, призывая делать, что говорят. Скрепя сердце она повиновалась и опустила маску на грудь. Жандарм провел металлоискателем по ее телу. Амандина крепко сжала губы. Его лицо было прямо перед ней.

– Прошу прощения, такова процедура.

Он сказал это, дыша ей в лицо. Амандина задержала дыхание.

Пройдя контроль, она кинулась в туалет и подставила лицо под воду, а потом оттерла его мылом так сильно, как только могла. Руки ее дрожали.

Она вытерлась, проглотила таблетки и поспешила надеть новую маску.

Жакоб и Жоан остановились посреди длинного сводчатого коридора с внушительными колоннами из белого камня. Жоан поднял голову и посмотрел на шарообразные камеры, висевшие в каждом углу.

– Кто-то пришел с неизвестным вирусом и выпустил его где-то здесь, во Дворце правосудия, с целью заразить людей, – предположил он. – Распространить неизвестный вирус гриппа. – Он посмотрел на Жакоба. – Скажите мне, что я ошибаюсь.

Начальник ГМР провел рукой по лицу. Осунувшиеся черты, красные глаза выдавали усталость. После обнаружения лебедей он вряд ли много спал, буквально разрываясь на части. Худший сценарий-катастрофа в действии: какой-то псих разгуливал на свободе с вирусом гриппа, нигде не зарегистрированным и, похоже, исключительно заразным.

– В этом деле надо не терять из виду наших целей. Указания идут с самого верха, и они более чем ясны: мы должны сосредоточиться на вирусе, ничего не разглашая. Узнать его как можно лучше, отловить, попытаться выяснить, откуда он взялся. Я один уполномочен общаться с полицейскими службами. И никто ни слова прессе. Работайте, вот и все.

Амандина внутренне кипела. Почему он не скажет им, что они правы? Чертова секретность...

Жакоб провожал взглядом полицейских, жандармов на посту, подсудимых и судейских, сновавших, точно свободные электроны.

– Подумаем и предположим – я говорю: предположим, – что кто-то захотел распространить здесь вирус гриппа. Как заразить всех этих людей одновременно, если не аэрозолем, который позволит частицам зависнуть в воздухе на несколько секунд? Повсюду камеры и жандармы. И потом, помещение слишком большое. Люди должны были бы пройти сквозь облако точно в нужный момент.

– Он мог использовать другие пути распространения, кроме воздуха, – предположил Жоан. – Воду, но в случае с гриппом это работает плохо, или же...

– Пищу, – сказала Амандина, – я об этом думала. Это второй пункт, о котором я хотела вам сказать. Идемте за мной. И наденьте маски.

Они пошли по коридору, анонимы среди анонимов. Их маски порой привлекали взгляды, но не более того. Здесь никто никого не знал и всем было на всех плевать. Носителю вируса это наверняка было известно.

По пути Амандина заговорила о статье в «Вуа дю Нор».

– Это один из пожарных, присутствовавших, когда нашли мертвых лебедей, разгласил информацию, – объяснил Жакоб. – Но это все равно мало что меняет. Вчера вышла статья в Бельгии о лебедях в природном заповеднике Цвин. Им пришлось очистить парк от публики, так что это не прошло незамеченным. Начинаются утечки и в Германии. Теперь эстафету приняли социальные сети. Пресса идет за нами по пятам.

Он говорил тихо, почти шепотом.

– Журналисты хотят знать, что происходит. Чтобы хоть немного разрядить ситуацию, министерство решило послать депешу в агентство Франс Пресс и сообщить, что вирус, убивший птиц, не H5N1, а другой тип, H1N1, который в данный момент идентифицируют. Чиновники будут двигаться поэтапно. Сначала птицы, потом люди...

Они пересекли зал ожидания, который охраняли на высоте нескольких метров статуи

Карла Великого, Наполеона, Людовика Святого и Филиппа Августа. Затем спустились по лестничному пролету, который привел их к закрытому окошку. Справа от него была дверь с надписью «Ресторан». Амандина толкнула створку, но дверь была заперта на ключ. Она настойчиво постучала.

– Этот ресторан – точка соприкосновения между Бюиссоном, нашим активным пенсионером, и Дюрье, который работает в административном отделе дома тридцать шесть. Я звонила его жене перед вашим приходом: Дюрье ест здесь почти каждый день. Бюиссон же обедал за этой дверью в прошлую среду со своим сыном, секретарем суда. Они встретились на ступеньках, как мы с вами, зашли сюда, поели и вышли. Надо бы проверить всех заболевших, но... в поисках места, где вы хотите заразить максимум людей из всех секторов полиции и правосудия, какое бы вы выбрали?

Дверь распахнулась перед Жоаном.

– Ресторан. Ограниченное пространство, большая концентрация людей, где перемешаны все отделы. Пища, чтобы занести в нее вирус. Идеально.

Перед ними стоял один из служащих ресторана. На нем была белая куртка, синие брюки, поварской колпак. Он с любопытством уставился на них, особенно на их маски. Жакоб объяснил причину их визита:

– Мы из Института Пастера. Нам бы хотелось осмотреть ресторан и задать вам несколько вопросов.

Мужчину звали Артур Каплан. Он посторонился, пропуская их.

– Что случилось?

– Ничего страшного, успокойтесь. Вы работали на прошлой неделе?

Он кивнул.

– Не было ничего подозрительного в среду? Какого-нибудь происшествия, примечательного факта?

Каплан подумал и покачал головой:

– Но я, знаете ли, работаю в кухне. Нас в бригаде двенадцать поваров, и в часы обеда мы не отходим от плиты.

Амандина и Жоан вошли в огромный зал, раскинувшийся под залом ожидания. Все это очень напоминало рабочую столовую. Сотни столов и придвинутых друг к другу стульев, стойка самообслуживания... Молодая женщина осмотрела системы вентиляции и отопления. Вентиляторов не было, вентиляционные люки скрыты. Слева персонал расставлял на стойке десерты и закуски. В конце, за стойками, два кассовых аппарата.

– Сюда может войти кто угодно?

– Вообще-то, это для персонала Дворца правосудия. Жандармы, чиновники, полицейские, судейские. Но каждый может привести с собой кого-то извне.

– Как осуществляется контроль?

– В окошке внизу лестницы. Служащий спрашивает, откуда вы, и может потребовать документ, например полицейскую карточку. Вы платите и получаете чек, который дает право на одно горячее блюдо с пятью дополнениями. Набираете, отдаете чек в кассу, вон там, и можете усаживаться.

Жакоб обернулся к окошку:

– Но можно ведь войти и без чека.

– Да. Там, в конце зала, есть кафе. Действительно, ничто не мешает пройти прямо туда.

Александр вернулся в зал, оглядел стены, потолок:

– Камер видеонаблюдения нет?

– Зачем они? Что-то вы меня тревожите, еще и в масках.

– Нет ли больных среди кухонного персонала? Симптомов гриппа? – Жакоб показал на свою маску. – Поэтому мы их и носим. Мы исследуем способы распространения гриппа, часто контактируем с больными.

– А, понятно. Э-э... насколько я знаю, нет.

Начальник ГМР направился к стойке и присоединился к своим подчиненным. Неужели они ошиблись?

– Вы можете все-таки пойти проверить?

– Конечно.

Он ушел. Амандина рассматривала стойку. Все в свободном доступе, фрукты, йогурты, куски торта, закуски, напитки, хлеб. Только основные блюда – судки для которых еще пустовали – были защищены закругленным стеклом. Кассы располагались подальше, в конце стойки. Как заметил Жакоб, можно было не только войти в ресторан без чека, но и взять поднос, набрать еды и, например, развернуться, не пройдя через кассу.

Молодая женщина размышляла. Она представляла себе «их человека», имеющего при себе исключительно заразный вирус, крошечную невидимую бомбу. Даже если у него их было феноменальное количество – миллиарды частиц, – они могли уместиться в сосуд размером с булавочную головку. Но он, наверно, растворил их в жидкости, чтобы распространить более эффективно и широко. Он наверняка очень нервничал в окружении полицейских, жандармов, судейских. Как не броситься в глаза? Как выложить вирус *куда-то*, не привлекая к себе внимания?

Она представила себе горячие блюда за стеклом. Добраться до них было трудно, однако именно в эту точку следовало бить, чтобы затронуть максимум народу. Запустить микроб в гигантское блюдо макарон. Вирусы гриппа передаются в основном воздушным путем, через капельки слюны, через аэрозоли. Но частицы вполне могут осесть на руках, а руки мы подносим ко рту, к носу. Вдыхаем вирус через контакт пальцев с дыхательной системой.

Амандина попыталась изобразить жест, достать рукой до виртуальных блюд. Нет, невозможно, надо изогнуться, чтобы дотянуться до них через стекло. Это бы наверняка заметили. И потом, вирусы не очень любят тепло.

Она вернулась к десертам и фруктам. Здесь все было намного проще. Можно было взять еду, потрогать и поставить на место. Достаточно выложить вирусные частицы, например, на яблоко, и заражение гарантировано. Но заразится только тот, кто съест яблоко, – не самый эффективный способ, чтобы охватить максимум человек.

Думай, думай...

Голос повара, который открыл им дверь, оторвал ее от мыслей. Он вернулся из кухни.

– Э-э, вы говорили о больных, – сказал он. – В кухне никто не болен, но один коллега говорит, что есть проблема с персоналом, который убирает и вытирает столы.

Три пары глаз устремились на него. Жакоб закивал: мол, продолжайте.

– Обычно их восемь, а вчера вышли только пятеро.

Амандина поднялась наверх. Большое окно выходило на зал ресторана. Она задумалась: уборщики и клиенты заразились, а повара – нет. Как же действовал «их человек»?

Прошло несколько минут. Жоан поднял глаза на Амандину:

– Кажется, я понял! Иди сюда!

Амандина сбегала по ступенькам. Жоан указывал на лотки с приборами. Молодая

женщина ощутила прилив адреналина, внезапно поняв, что он имеет в виду.

– Ну конечно. Ножи, вилки. Это же очевидно. Легко, взяв вилку, выпустить вирус в лоток... И все, кто берет приборы, имеют шанс заразиться. Вирус на руках... Руки у рта...

– Это к тому же объясняет, почему сын Бюиссона не заболел, в отличие от отца. Лотков с приборами несколько. Кому не повезло, те заразились. Радикально, эффективно. Это же какие нужны мозги, чтобы прийти сюда и сделать такое под носом у полицейских. Мы имеем дело не с последним кретином.

– Как подумую о трупах птиц на Рюгене, мурашки по спине... За всеми этими ужасами есть метод.

Жакоб достал телефон.

– Вы думаете, что уже слишком поздно? – спросила Амандина. – Что мы не сможем остановить вирус?

Пальцы Жакоба судорожно сжали трубку.

– На данный момент мы не задаем вопросов. Нас просят действовать, и мы действуем. Надо подключить коллег, искать больных и тех, кто с ними контактировал. Может быть, этот вирус не выдержит долгой дистанции, может быть... он не передается так легко, как классический грипп, от человека человеку. Может быть... внешние условия не позволят ему выжить. Пока я не хочу больше ничего об этом слышать, и не злите меня, ясно?

Он схватился за голову, потом набрал номер и прижал телефон к уху.

– Когда мы закончим, окажи мне услугу, Амандина. Съезди к Северине Карайоль и выясни, что с ней происходит. Я не могу до нее дозвониться. Мне понадобятся все.

Люси завезла близнецов в ясли и своим ходом добиралась до набережной Орфевр, а Шарко тем временем нетерпеливо ждал Поля Шене в приемной парижского Института судебно-медицинской экспертизы.

Здание из красного кирпича, расположенное на отшибе, на набережной Рапе, было как бы вторым домом сыщиков из уголочки. Прихожей расследований. Здесь вскрывали трупы, утопленников, выловленных со дна Сены, повешенных, попавших под машины, «гнилых», которых находили иногда спустя недели, умерших у себя дома в одиночестве, о чем никто даже не знал. Шарко давно сбился со счета, сколько раз он бывал в этих мрачных коридорах и сколько выпотрошенных трупов видел. Эти ужасы были частью его будней, все равно что покупать утром багет.

Шене вышел за ним, и они, поздоровавшись, углубились в сумрак здания. Шарко давно освоился с трупами, но так и не привык к запахам, пропитавшим стены и висевшим в воздухе. Здесь воняло смертью. Конечно, через пять минут он переставал это замечать, но преодолеть этот рубеж было всегда непросто.

– Надо договориться как-нибудь поужинать у нас. Приказ Люси. У тебя ежедневник при себе?

Шене достал телефон и посмотрел на экран:

– У меня лекции в разных местах и много занятий в университете в эти дни. После новогодних праздников, ладно?

– Забьем вторую субботу января. Одиннадцатое.

– Одиннадцатое? Там что-то намечено у родителей жены, и...

– Восемнадцатое января.

Медик постучал пальцами по сенсорному экрану:

– Записано.

Франк тоже записал дату в свой бумажный блокнотик.

Они вошли в один из многочисленных залов вскрытия. Острые углы, отточенные инструменты, нездоровый блеск металла. Одно из четырех тел, найденных на дне пруда, лежало на столе из нержавеющей стали, освещенное мощной хирургической лампой. Шене взял со стола несколько листков и протянул их Шарко:

– Вот копия первых выводов. Просто записки антрополога, официального заключения еще нет. Но главное здесь.

Лейтенант полиции сложил листки, сунул их во внутренний карман куртки и уставился на кости, которые сложили на столе скелетом. Под лампой были видны кусочки плоти, оставшиеся на черепе, ребрах, бедрах.

– Эксперт основательно поработал над этим, он продолжает с другими, выискивает детали, но уже можно сказать, что мы имеем дело со сходными случаями. В мешке было четыре тела взрослых мужчин кавказского типа. Приблизительный возраст – от тридцати пяти до пятидесяти лет. Примерный рост найдешь на листках.

Шене надел перчатки и взялся за лучевую кость.

– Смотри, плоть была съедена кислотой. Это видно по чешуйчатости корок, а некоторые кости почти сварены.

– Кислота... Радикальное решение.

– Всегда легче избавиться от скелетов, чем от целых тел. И главное, без риска разложения. Такие трупы гораздо труднее обнаружить. Если бы вашего убийцу не застукали, эти кости могли бы пролежать на дне пруда еще много лет. Во всяком случае, кислота – это не та бытовая химия, которую найдешь в продаже. Крутое средство. И потом, понадобились десятки литров на каждое тело. Реакция с плотью была бурной и скверно пахнущей.

Шарко представил себе убийцу в маске и перчатках, выливающего литры кислоты на распростертые на земле тела... Пары, едкий запах от соприкосновения с плотью... Каким чудовищем надо быть, чтобы сотворить такое?

– Трудновато сделать это в квартире.

– Нужно много места, причем укромного. И потом, время, чтобы кислота разъела плоть... Семьдесят кило дохлятины, ты только представь. Он наверняка делал это несколько раз, чтобы прийти к такому результату.

– Тип, который живет в уединенном месте. Или имеет погреб или сад, укрытый от посторонних глаз.

Шарко подумал об уголке, где убийца выбросил мешок: он явно знал эти места. Медон, лес. Должно быть, он все разведает заранее.

– Возможно. Но в подвале вряд ли, из-за сильных запахов и вредных испарений. Соседи бы учуяли. Разве что он действительно живет в уединенном месте. Как бы то ни было, пробы плоти ушли на токсикологический анализ. Идентификационные тесты ДНК скоро придут.

Поль Шене отложил локтевую кость.

– Во всяком случае, ваш парень не церемонится. Кислота, раны другой жертвы и ее собаки. Манипуляции с человеческим телом его не пугают.

– Следов от пуль нет?

– Ни одного не обнаружено. Невозможно определить, как они были убиты и когда. Это большая загадка. Но относительно свежие, я бы сказал, две-три недели максимум. А вот на одной берцовой кости есть следы незалеченного перелома.

Шене показал пальцем на челюсти:

– У всех четверых зубы в очень плохом состоянии. Некоторые даже выпали уже в мешке. Я запрошу исследование зубных отпечатков, но у меня большие сомнения, что эти типы когда-нибудь посещали дантиста. И посмотри сюда, это очень интересно.

Он указал на ту часть черепа, где еще осталось немного темной плоти и волосы:

– На задних поверхностях видны воспаленные зоны, это означает, что человек постоянно чесался, обычно такое бывает при наличии вшей в волосах. Это встречается в основном на социальном дне. Ты можешь попытаться поискать среди бомжей. Мне приходилось их вскрывать, есть много общего.

Франк удовлетворенно улыбнулся:

– Хорошая мысль. Я свяжусь с ББПЛ [\[15\]](#), как знать. Отличная работа, Поль.

– Похвали лучше антрополога.

– Сделай это от меня.

Они еще немного поболтали, потом Шарко поблагодарил и покинул паркинг Института судебно-медицинской экспертизы под однообразно серым небом. Это начинало уже давить на психику, этот свинцовый колпак, накрывший столицу, эта сырость, леденившая тело, пропитывавшая одежду.

Полицейский пересек мост Шарля де Голля, миновал Аустерлицкий вокзал и направился в Пятый округ. По дороге он позвонил Жюлю Шапнелю, коллеге из группы

исчезновений ББПЛ, базирующейся на улице Шато-де-Рантье, и объяснил суть дела: четыре человека, представители городского дна, пропали в последние недели. Шапнель и его команда насчитывали не меньше трех тысяч тревожных исчезновений в год в одном только Париже. *A priori* у него не было текущих дел, касающихся бомжей, но, может быть, у коллег? Шапнель обещал разузнать, на всякий случай, и отключился.

Двадцать минут спустя Шарко въехал в подземный паркинг близ бульвара Пале и поднялся к набережной Орфевр. Когда он вошел через главный вход и направился к лестнице С, люди, которых он никогда не видел, – медики, судя по халатам, перчаткам и маскам, – выйдя из тени, велели ему идти в свой отдел и не выходить до новых инструкций. Лица и оснащение могли напугать хоть кого. Шарко вспомнились фильмы о вирусах, и по спине у него побежали мурашки.

Когда он спросил, в чем дело, ему ответили, что идут учения.

Но такого сыщика, как он, провести нелегко.

Шарко сразу понял, что ему лгут.

Франк Шарко и Люси Энебель сидели в офисе уже больше двух часов, не зная, что в действительности происходит. К ним присоединилась Камиль.

Все трое думали об ученых в защитных комбинезонах и о медиках, окопавшихся внутри здания и фильтровавших входы и выходы. Кто эти люди в масках, которые мешают им делать свою работу? Почему ничего им не говорят? Всех руководителей вызвали на срочное совещание с высокими чинами из министерств внутренних дел и здравоохранения.

– Как вы думаете, все это связано с гриппом? – спросила Камиль.

– Да, у меня такое впечатление, – ответил Франк. – Нас всего трое в команде, а должно быть пятеро. Робийяр и Леваллуа слегли. И так во всех отделах. Много сразу, вот что странно. Как ты себя чувствуешь, Камиль?

– Хорошо... Ну, то есть какое там хорошо. Не идет из головы послание в компьютере Николая с тремя кругами. Я думала, что все это похоронено.

Люси, прильнувшая к окну, тоже чувствовала себя не лучшим образом. Никогда она не видела Паскаля Робийяра таким больным. Вчера она отвезла его домой, была с ним в тесном контакте. В машине он всю дорогу кашлял и, хоть прикрывал рот шарфом, вдруг заразил ее?

Шарко встревоженно смотрел на Люси. У него тоже не шли из головы слова, которые произнес Николай. *Когда Человек в черном осуществит Великий Замысел, у вас не будет никаких шансов. Эта история не закончена, и вам нельзя было в нее соваться.*

Была ли связь между этими словами и тем, что происходило сейчас в их коридорах? Телефонный звонок оторвал его от мыслей. Звонил техник из научной лаборатории: ему прислали по электронной почте профили ДНК четырех скелетов.

После этого Франк сделал несколько звонков и послал запросы в НАКГО – Национальную автоматизированную картотеку генетических отпечатков. Это немного отвлекло и помогло скоротать время, а потом поступил еще один звонок, из химической лаборатории. Техника на проводе звали Марк Ланжолье.

– Это по поводу каски с налобным фонарем, которую вы нашли в пруду. Волос на ней нет, и мы не смогли получить ДНК из-за пребывания в воде. Зато, не знаю, заметили ли вы, но каска, изначально белая, приобрела светло-желтый оттенок, она шелушится, если ее поскрести. Мы проанализировали эту субстанцию, которая наличествует и на фонаре, и на ремешке... Это H_2S : сероводород.

Шарко записал название на уголке листа.

– Газ, который пахнет тухлыми яйцами, это он?

Он посмотрел на Камиль: она незаметно прислушивалась.

– Точно. Встречается в отстойниках, шахтах, колодцах, сточных трубах и желобах. Короче, везде, куда стекают разлагающиеся вещества.

– Наш человек может работать в этой области?

– Газ осел на каске в такой концентрации, что это представляется мне более чем вероятным. И не забудьте о налобном фонаре. Это указывает на что-то вроде сточных труб, туннелей, подземелий.

Шарко подумал о количествах кислоты, понадобившихся, чтобы растворить тела... О густых парах, которые должны были при этом выделиться... Кислоту ведь используют иногда в крайних случаях для прочистки канализации. «Их человек» был связан с

промышленной средой, техническим обслуживанием...

– Спасибо. А остальные следы, найденные возле трупа? Мята...

– Листья мяты, да, садовой. Еще мы подобрали рядом с трупом и собакой кусочки губки, которые подвергли спектральному анализу. Мы заключили, что они пропитаны уксусом, абсентом и лауданумом.

– Лауданумом?

– Его называют еще опиумным вином, он существует сотни лет. Его еще можно найти в аптеках в форме капель, хотя используют его редко. Он может быть заменителем жестких наркотиков, например опиума.

– И что же это за смесь лауданума с уксусом и абсентом?

– Не знаю... странный коктейль. Пропитываешь им губку, прижимаешь к лицу, это наверняка здорово бьет по шарам, дает тебе чувство мощи, непобедимости, как опиум.

Шарко поблагодарил и повесил трубку.

– Мята, абсент, лауданум? – заинтересованно повторила Камиль. – Что за дело вы расследуете? Николая мне ничего не говорил.

С Камиль Шарко казалось, что он имеет дело с Люси-бис. Они были очень похожи и, наверно, поэтому так хорошо ладили.

– Потому что это больше не твоя работа, Камиль, и Николая не может рассказывать тебе обо всех наших расследованиях. Есть другие темы для разговоров, поинтереснее, чем рассказы о том, как психопаты убивают людей, тебе не кажется?

Из-за ожидания все слишком нервничали, атмосфера была наэлектризована. Камиль предпочла уйти в свой угол.

Наконец в общий зал вошел Николай Белланже со свернутыми листками в правой руке. По его лицу все поняли, что новости он принес плохие.

Николя вымученно улыбнулся своей подруге. Камиль было тяжело видеть его таким, озабоченным, встревоженным, усталым. Капитан полиции глубоко вдохнул и начал:

– Все эти люди внизу – из парижского Пастеровского института. У нас было совещание с представителями Министерства здравоохранения и другими чинами, которые ни полслова не сказали о том, что происходит на самом деле. Обстановка быстро накалилась. Мы все знаем, но официально ничего не должно выйти из этих стен. При том, сколько возникает вопросов и как давят журналисты, правительству скоро придется выступить с официальным заявлением.

– Так что же все-таки происходит?

Николя перевел дыхание и сказал:

– Вроде бы кто-то зашел в прошлую среду в ресторан Дворца правосудия и выложил там неизвестный вирус гриппа. Тот самый вирус, который косит наши ряды.

Белланже увидел, как побледнели его коллеги. Камиль застыла. Гнетущая тишина окутала их.

– Неизвестный... вирус?

Люси произнесла это непослушными губами. Она думала о Паскале Робийяре... горе мышц.

– Грипп, которого они не знают и от которого, стало быть, нет вакцины. Вроде того, что был в две тысячи девятом году, пресловутый мексиканский грипп. Эта пакость может вызвать пандемию. Леваллуа и Робийяр наверняка им и заразились.

Он рассказал им о вирусе, возможно распространенном в ресторане. Увидел ошеломленные лица. Люси почувствовала, как убыстрился ее пульс. Она сразу подумала о своих близнецах.

– Что нам грозит?

Белланже пробежал глазами свой блокнот. Он пытался все записывать, тоже ошарашенный свалившимися новостями.

– Еще рано строить догадки, но эксперты из Пастера говорят, что симптомы такие же, как у классического гриппа. Некоторые сопротивляются вирусу, другие более восприимчивы, а кое с кем совсем плохо. Несколько больных, в том числе и Робийяр, были госпитализированы, чтобы врачи могли как можно лучше изучить поведение этого нового вируса и по возможности избежать его распространения.

Шарко встал со стула и облокотился на радиатор. Ладони у него взмокли, ноги были ватные. Его не пугали убийцы, потому что у них было лицо. Но вирус, да еще и неизвестный...

– Они считают, что у этого вируса корни птичьего, свиного и человеческого гриппа. Он вроде как смесь всех трех, а значит, может передаваться от одного вида к другому. Надо знать, что вирусы гриппа постоянно мутируют, реорганизуются, и достаточно неудачного стечения обстоятельств, чтобы появился мутант, способный поражать людей.

Его взгляд стал еще серьезнее.

– Тот, кто распространил вирус, заразил также перелетных птиц на острове, где они садятся тысячами. Это было между седьмым и восьмым ноября. Это стало известно, потому что один лебедь был оснащен передатчиком. Держитесь крепче: наш «убийца» расположил

трупы зараженных птиц на этом острове тремя concentрическими кругами.

Молчание. Шарко, Камиль и Люси осенило одновременно.

– Символ из трех кругов. Это он! – воскликнула Камиль.

– Человек в черном... – добавила Люси. – Снова он. Боже мой!

Полицейские в этот момент ощутили, что не просто потерпели неудачу. Они поняли, что дали чудовищу спокойно подготовиться западню, которая теперь захлопнулась за ними.

– Вспомните начало послания, которое я от него получил, – сказал Николая. – *Потоп сначала обрушится с неба.* Птицы – это и есть потоп. Они распространяют микроб повсюду, где садятся. И очень вероятно, как говорят люди из Пастеровского института, что эта зараза скоро будет поражать людей. Завтра, через неделю, через месяц... Трудно сказать. Одно несомненно: их не остановить.

Он вздохнул. Взгляд его устремился в глаза Камиль.

– За всем этим стоит один и тот же человек. Тот, кто послал мне ужасное письмо в прошлом году, тот, кто запустил компьютерный вирус, тот, кто распространил грипп. Тот, кто создал нам все эти проблемы. Человек в черном.

Он подошел к своей подруге и попытался ее успокоить:

– Его удар направлен не только на нас. Он посягает на власть. На государство. И очень организованно. Эксперты из Института Пастера и все, кто имеет отношение к здравоохранению, подняты на ноги. Они боятся, что вирус распространится среди населения и возникнет паника. Можно арестовать убийц, но как остановить вирус? Я ничего в этом не понимаю, но у меня такое ощущение, что зло уже свершилось. Что эти типы, там, внизу, ничего не могут изменить, хоть и пытаются убедить нас в обратном. И вдобавок им придется-таки выступить, оповестить население. Такое дело не замнешь: слишком много больных, слишком много свидетелей, слишком много мер надо принять по отношению к другим странам.

Он выглядел совсем битым.

– Мой вопрос может показаться странным, – сказала Люси, – но... почему «просто» грипп? Почему не что-нибудь более разрушительное? Эбола там... или я не знаю...

– Еще рано выдвигать гипотезы; они не отвечают на этот вопрос. Откуда взялся этот вирус? Как этот тип его раздобыл? У антитеррористов пришлось слить две команды, так много больных в их рядах. Им приходится реорганизоваться.

– Я видел, действительно в их офисе народу не много, – кивнул Шарко.

Антитеррористы располагались по соседству, в конце коридора. Белланже продолжал:

– Они просмотрят все записи камер видеонаблюдения во Дворце правосудия, особенно у постов охраны. Если тот человек явился в столовую Дворца в среду, он же должен был в какой-то момент войти и выйти.

– Да, но вирус не звенит под рамкой, – вставила Камиль. – К сожалению, этот человек может выглядеть как угодно. Ты думаешь, что действовал сам Человек в черном?

Николя пожал плечами:

– Даже если он, нам это мало что дает. Все, что мы имеем из нашего дела две тысячи двенадцатого: совершенно размытая фотография, сделанная в восемьдесят третьем году в Испании, он весь в черном, с ног до головы. Можно полагать, что ему сегодня как минимум пятьдесят.

Франк Шарко чувствовал, как в нем поднимается гнев.

– Он ли, другой ли, какая разница. Эти паршивцы проникли сюда, в наши стены. Один

из них пошел на риск, внедрился к жандармам, полицейским с этой пакостью в кармане. Он мог бы сделать это в аэропорту, в школе... Но нет, ему нужны мы. Он хочет иметь возможность наслаждаться в реальном времени своей... своим...

– Своим творением, – докончила за него Люси. – Художник, который видит, как на его глазах рождается картина. Он не хочет пропустить ни одного этапа. Это, должно быть, истинный бальзам на сердце – видеть, как люди заболевают один за другим, говорить себе, что заражение сработало и ничего нельзя поделать. Что вирус будет продолжать распространяться, что бы ни предпринимали.

– Специалисты говорят, что наш человек воспользовался нынешним всплеском классического гриппа, чтобы навести тень на плетень. И это сработало, никто поначалу не обратил внимания. Все было тщательно срежиссировано и просчитано. Вирус, птицы... А теперь вмешалась пресса. Никто не может воспрепятствовать журналистам делать свою работу. Они вцепились в здравоохранение мертвой хваткой, бикфордов шнур подожжен. Грипп – это пугает. Все эти рассказы об H5N1, о множестве мертвых птиц, о пандемии. А когда людям страшно...

– Они повинуются инстинкту, – перебила его Камиль. – Становятся неконтролируемыми. Опасными...

Николя раздал всем отпечатанные листки:

– Следом за радостными новостями вот вам документ, который надо заполнить немедленно для Института эпидемиологического надзора. Им нужна информация обо всех, кто контактировал с больными. Внизу налаживают работу врачи, нам дадут лекарства, чтобы затормозить развитие гриппа. Если у нас нет симптомов, никто не мешает нам работать, им не нужен паралич государственных служб, это был бы худший вариант. Все должно выглядеть нормальным в глазах граждан.

Шарко глухо заворчал:

– Нормальным? Ты видел, какой тут бардак? Мой стол завален бумагами, компьютер еще глючит, половина рабочих мест пустует. Нас уже здорово задело.

– И это наверняка еще не все, но меры принимаются. Они раздадут нам маски, которые надо будет надевать при малейшем признаке, чихании или ломоте. Нам все это объяснят. Остановить этого или этих типов стало задачей номер один для уголовки и антитерроризма. Управление внутренней разведки тоже задействовано. Наш отдел – или то, что от него осталось, – особо затронут, в частности из-за письма на коже и, главное, нашего прошлогоднего расследования. Все наши документы и досье, касающиеся этого дела, перейдут в соседний кабинет и во внутреннюю разведку. Все должны быть в курсе.

– Мы все прошерстили. Они ничего не найдут.

– Они хотят получить эти досье, оставим их им. Знай они раньше, забили бы тревогу, обнаружив три круга на острове Рюген, мы не потеряли бы время. Так что будем работать совместно с ними и с учеными из Пастера, это решено и подписано. Защищенный сервер обмена данными будет установлен в нашей сети. Делимся информацией, в пределах разумного конечно. Если мы понадобится Министерству внутренних дел или здравоохранения для расследования, поиска, вмешательства или не знаю чего еще, мы в их распоряжении. То же и в обратную сторону: мы должны быть прозрачны в наших продвижениях. Короче, работаем в одной упряжке.

– А как работать-то, раздвоиться?

Камиль злилась. Ей хотелось помогать, участвовать, а приходилось сидеть в кабинете,

перебирать бумажки и заполнять бланки.

– Я поговорю с окружным комиссаром Ламордые и постараюсь добиться пополнения, – сказал капитан полиции. – Если потребуется, затормозим все текущие дела. Определяем приоритеты, плюем на ненужные бумаги и проявляем расторопность.

Шарко покачал головой:

– Я не хочу оставлять мои скелеты. Еще один буйный псих, вооруженный пятнадцатисантиметровыми ножами, бегает на свободе.

– Может быть, но это не первоочередная задача.

– Ты так думаешь? Убитый бедолага, его пес, четыре трупа, разъеденные кислотой, и убийца, задвигающийся опиумом, смешанным с мятой, недурно все-таки.

– Пойми же, в ближайшие дни и часы может наступить хаос. Заболевших может прибавиться. Коллеги начнут паниковать. Возьми хоть нашего комиссара Берлио... Ипохондрик... Уверен, что завтра мы его не увидим. Такого у нас еще не бывало. Придется приспособливаться. – Он посмотрел на часы. – Черт, уже... Я бегу на совещание с Ламордые, создается антикризисный комитет. Разумеется, повторяю вам, информация не подлежит разглашению. А пока... продолжайте работать как можете, за отсутствующих тоже. Будем надеяться, что больше никто не заболеет. Наши отделы напоминают кегельбан: кегли упали, а машинка, которая ставит их на место, сломалась.

Он посмотрел Шарко прямо в глаза:

– Ты сам это сказал, Франк, виновник всего этого проник к нам. Сюда, в наш кабинет. Он посягнул на наших коллег по работе. – Его взгляд устремился в глаза Камиль. – Он посягнул на нас...

Глаза его блестели злым блеском, который был красноречивее всяких слов.

– Я хочу найти этого мерзавца.

– Думаю, ты не одинок. И это продолжается уже больше года.

Атмосфера была давящая, почти нездоровая. Николя уединился со своей подругой в углу общего зала. Он взял ее за руки:

– Ты пойдешь к врачу, поняла? Будешь строго соблюдать все предписания, беречь себя. Твой организм еще слаб, этот грипп ни в коем случае не должен тебя затронуть.

Камиль кивнула:

– Я буду осторожна. Обещаю. Если вам понадобится помощь, ты знаешь, что можешь на меня рассчитывать. У меня есть компьютер, могу проводить изыскания. Ты же знаешь, я в этом довольно сильна.

Николя через силу улыбнулся ей:

– Знаю, Камиль, знаю. Дождись меня сегодня вечером, хорошо? Я не хочу, чтобы ты возвращалась домой одна.

Камиль снова кивнула. Руки у нее были холодные. Зазвонил телефон Николя. Камиль украдкой поцеловала его, попрощалась с Франком и Люси и ушла. Белланже ответил на звонок и, отключившись, вернулся к своим подчиненным.

– В компьютерном отделе есть новости о CrackJack, названии, написанном под картинкой вируса. Ступайте туда. Теперь мы его не упустим.

Полчаса спустя Люси и Франк были в компьютерном отделе научной полиции. Отдел находился в двух шагах от набережной Орфевр, но прежде полицейским пришлось заполнить бланки, ответить на вопросы врача и принять антивирусные препараты. В кармане у каждого лежали пять защитных масок в упаковке.

Эксперта, поджидавшего их, звали Гийом Томео. Он годился Шарко в сыновья. За клавиатурой, с мышью, он, казалось, жил в параллельном мире, состоящем из байтов и имеющем свой собственный язык. Он поздоровался с ними и вновь повернулся к экрану. Рядом с компьютером громоздилась пирамида пустых банок из-под кока-колы.

– Так... Мы уработались над этим втроем. Я изложу вам итог.

– Только просто и понятно.

– Попробуем. Darknet – знаете, что это такое?

– Освежите нам память.

– Хорошо. Обычно, чтобы зайти на интернет-сайт, вы открываете навигатор и вбиваете адрес: www.что-нибудь.com – так?

– Пока понятно.

– Сайт вы знаете или находите через поисковик. Нет ничего проще. Но представьте себе теневую сеть, паутину неизвестных, анонимных сайтов, которые невидимы для поисковиков и, главное, недоступны классическим навигаторам. Иначе говоря, у вас нет никакой возможности до них добраться и по ним ходить.

Он кликнул на иконку в виде луковицы, которая выдала заголовок «SCRUB».

– Мы все плаваем по поверхности огромного океана, когда заходим в Интернет. Разве что иногда погружаемся на несколько метров под воду. Заходим на порносайты, смотрим мерзкие видео или, например, общаемся на закрытых форумах, где ведут расистские разговорчики... Учтите, это я не о себе.

– Конечно. Мы поняли.

– Но все это ничто, фигня по сравнению с глубоким вебом. Глубокий веб – это худшее людское извращение. Это помойка человечества, огромный киберрезервуар отбросов. Мы в нашем отделе пытаемся наблюдать за этой территорией, но это очень сложно, сами увидите.

На экране SCRUB загружал сеть. Зеленая полоса перемещалась слева направо. Шарко сосредоточился на иконке-луковице: на ней были отчетливо видны три концентрических круга. Высветилась надпись: «Welcome to dkw».

– На глубине триста метров, там, куда не проникает дневной свет, мы попадаем в настоящий невидимый мир Сети. Мы не знаем точно, как и кем была создана сеть SCRUB, но в последние годы она неуклонно растет. Ее объем оценивается в миллиарды и миллиарды мегабайт, возможно, больше, чем поверхностный Интернет.

Люси и Шарко быстро переглянулись: слышать об этом им приходилось редко.

– В Darknet «com» и «fr» заменяются на «.oinon». Адреса доступа на сайты-фантомы являются случайным сочетанием цифр и букв, например «eqr5g47690019873.dkw». И штука в том, что благодаря навигатору SCRUB вы ходите на них анонимно. Сложная система, созданная с рождением Darknet, делает невозможной всякую идентификацию. Судите сами, чем это чревато.

Люси с интересом посмотрела на экран.

– Можно заходить куда угодно, не рискуя попасться.

– Точно. И любой может создать недоступный адрес и выложить туда содержимое.

Пиратских сайтов полно, надо только уметь до них добраться.

– А как установить этот особый навигатор?

– Вводите его имя в «Гугле» и загружаете. Вот такой парадокс. Он доступен любому в классическом вебе, и в нем нет ничего незаконного. Всякий, кто пожелает, может бесплатно погрузиться в глубины, чтобы встретить там подводных монстров, которые никогда не выходят на поверхность.

Люси подумала о глубоководных рыбах. Чем больше глубина, тем они чудовищнее, словно прямиком из фильмов ужасов.

– Главное – суметь всплыть. Те, кто погружается в Darknet, обычно там остаются. Им там хорошо, покойно, в окружении всех их фантазмов. Все покупается и продается, без всяких границ. Вы найдете там, в частности, педофилию, все мыслимые сексуальные извращения и, разумеется, все, что под запретом. Трафик, терроризм, расправы, заказ убийств...

– Заказ убийств?

– Да, вы можете позволить себе услуги убийцы, если вам надо кого-то убрать.

С ума сойти. Шарко казалось, что он попал на другую планету, когда приходилось слышать такое. Компьютерщик ввел какой-то непонятный адрес с. dkw и кликнул. Появилась страница с ссылками и пояснениями.

– Вот Википедия Darknet, Hidden Wiki. С этой страницы вы как раз и можете получить доступ к различным очень своеобразным «услугам». Можете купить оружие в прекрасном рабочем состоянии, наркотики, номера банковских карт, массу запретных штучек, чтобы выводить из строя системы безопасности. Электронные ключи, чтобы открывать машины, антирадары, помехи... Инженеры, продажные спецы падают вчерную на Darknet, потому что здесь крутятся миллионы и миллионы долларов. Это рынок безграничных возможностей.

Все это было выше понимания Шарко. Мир Интернета, электроники не имел ничего общего с тем, чему он научился на земле. У его убийц были руки, ноги, лица, они убегали, когда за ними гнались, им было больно, когда их били, чтобы заставить говорить. А эти – кто они такие? Пальцы на клавиатуре? Тени, затаившиеся за компьютерными серверами в Сингапуре, в Румынии, в российской глубинке, способные, однако, на худшие мерзости? Как до них добраться? Шарко видел перед собой лишь горстку людей вроде Томео, пытавшихся ложкой вычерпать океан.

– Надо знать, что у глубокого веба есть свои коды, своя разменная монета, которую называют биткойн. Вы в полной безопасности покупаете биткойны на легальных сайтах, как покупали бы доллары. Оплачиваете ими услуги в Darknet и перепродаете их за евро или доллары. Все шито-крыто.

Люси покачала головой, ничего не понимая:

– В таком случае почему бы не запретить биткойн, чтобы остановить весь этот трафик?

– Потому что в нем нет ничего незаконного. Его используют сетевые магазины, дистрибьюторы. В биткойнах помещают капитал спекулянты и даже мелкие акционеры. Вы можете менять евро на биткойны, курс меняется каждый день. Некоторые экономисты считают, что это валюта будущего. Единая, универсальная...

Он повернулся к полицейским:

– Вы поняли, что в Darknet нарушители закона ускользают от нас. Наш единственный

способ до них добраться – это внедриться к ним. Так мы выходим, например, на сети педофилии. Все основано на доверии, но нужно время... Иногда недели, месяцы, чтобы достать до пиратской сети, добраться до тех, кто прячется за экранами. И когда мы ловим одного, появляется сотня других. Это борьба без конца, настоящее обескровливание, которое все больше затрагивает честных граждан.

Шарко нетерпеливо заерзал:

– Так что же наш CrackJack? Вы можете нам что-нибудь сообщить?

Гийом Томео направил мышку к строчке Hidden Wiki: «Rent a Hacker». Он кликнул. Высветился список из сотен ников.

– Вот список хакеров, к которым вы можете обратиться. Сотни предлагают свои услуги за вознаграждение.

Шарко схватился за голову:

– Как в супермаркете. Боже мой!

Компьютерщик прокрутил мышкой бесконечный список, пока не появился ник CrackJack.

– Вот он. Кликнем на него... Заходим на его страницу, находим условия: сколько стоит, что умеет, как далеко способен зайти. Чтобы связаться с ним, создаем аккаунт и посылаем ему запрос через почтовый сервер Darknet. Все зашифровано, неотслеживаемо, нет никакой возможности добраться до его компьютера. Ни до того, кто предоставляет серверы.

Шарко наклонился к экрану, положив обе ладони на стол. CrackJack был здесь, перед ними, но недостижимый. Он открыто предлагал – но на двухстах метрах глубины – свои вредоносные услуги. В том числе «разрушить чью-то жизнь» или еще «взломать компьютерную сеть предприятия».

– Кто-нибудь прибежал к его услугам, чтобы создать и распространить компьютерный вирус?

На странице CrackJack Томео кликнул на иконку, изображавшую чашу: его трофеи. Появилась страница с десятком строчек.

– Никаких сомнений... CrackJack не просто хакер, у хакеров все же есть подобие этики. Это «Cracker», настоящий компьютерный преступник, следующий только логике разрушения и наживы. Сказать, что этот тип – мерзавец худшего пошиба без всякой совести, значит ничего не сказать. Если «очеловечить» его поступки, их почти можно сравнить с действиями серийного убийцы. CrackJack *и есть* серийный убийца компьютерных данных, разрушитель человеческих жизней через Сеть. И подписывает он свои вирусы и свои действия потому, что гордится ими. Большинство компьютерных пиратов нуждаются в признании.

[Купить полную версию книги](#)

Уровень биологической безопасности 2. (Здесь и далее примеч. автора, кроме оговоренных случаев.)

Национальная жандармерия Французской Республики – части внутренних войск (ВВ), судебного конвоя, региональной и военной полиции Французской Республики двойного подчинения (Министерству внутренних дел и Министерству обороны Французской Республики). Наряду с Национальной полицией является важнейшей составной частью административного аппарата системы исполнительной власти Республики.

Институт эпидемиологического надзора.

Национальное санитарное агентство.

Вирус птичьего гриппа.

Всемирная организация здравоохранения.

Имя Амандина по-французски означает «миндалина». *(Примеч. перев.)*

Лицензия на руководство исследованиями.

Strategic Health Operation Center – Стратегический операционный центр здоровья.

Global Public Health Intelligence Network – Глобальная публичная информационная сеть здравоохранения.

Региональные группы наблюдения за гриппом.

См. роман «Страх».

Последняя фраза является почти дословной цитатой из романа Эмиля Золя «Жерминаль» (*перев. А. Дмитриевского*).

Известный французский политический деятель Жорж Клемансо (1841–1929) получил прозвище Тигр за жесткий характер и непримиримость к политическим противникам.
(Примеч. перев.)

Бригада борьбы с преступлениями против личности.